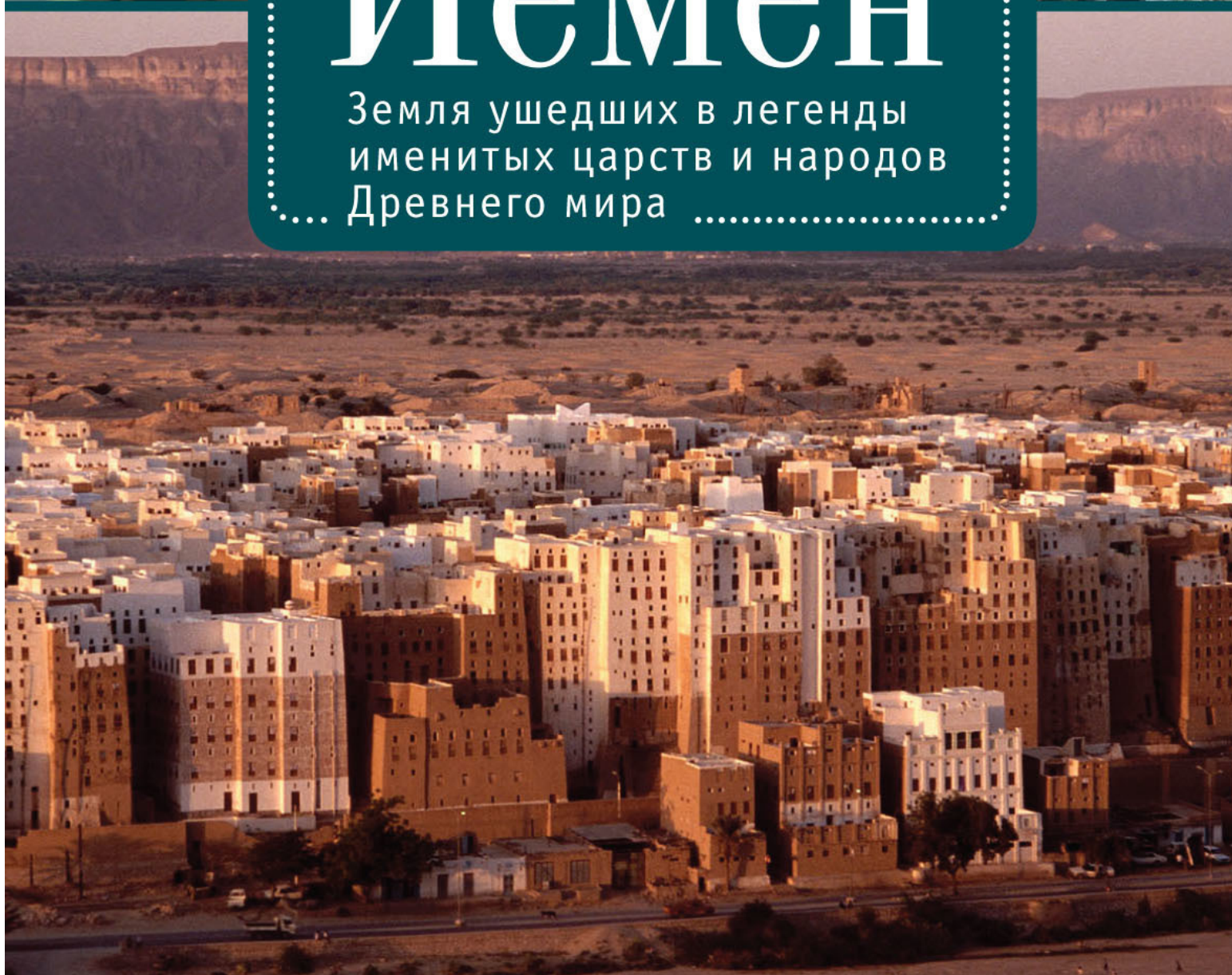

И. П. СЕНЧЕНКО

Йемен

Земля ушедших в легенды
именитых царств и народов
... Древнего мира

Игорь Сенченко

**Йемен. Земля ушедших в
легенды именитых царств
и народов Древнего мира**

«Алетейя»

2019

УДК 94(53)
ББК 63.3(5Йем)

Сенченко И. П.

Йемен. Земля ушедших в легенды именитых царств и народов
Древнего мира / И. П. Сенченко — «Алетейя», 2019

ISBN 978-5-907115-29-3

Книга, предлагаемая вниманию читателя, – это увлекательное историко-этнографическое путешествие в Йемен, в его прошлое и настоящее. Человеку, интересующемуся историей Арабского Востока, она расскажет о землях автохтонов Аравии, о «колыбели» арабов и арабской цивилизации, о временах величия Древнего Йемена, «Аравии Счастливой», и о днях сегодняшних. Познакомившись с богатой историей Йемена, с жизнью и бытом йеменцев, их сказаниями, легендами и преданиями, обычаями, традициями и нравами, читатель заново откроет для себя эту красивую и гостеприимную страну, одну из древнейших на нашей планете, к сожалению, терзаемую сегодня войнами и пожарищами. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 94(53)
ББК 63.3(5Йем)

ISBN 978-5-907115-29-3

© Сенченко И. П., 2019
© Алетейя, 2019

Содержание

К читателю	5
Часть I	6
«Счастливая Аравия» в сказаниях народов Древнего мира, в работах историков и географов античности, в воспоминаниях путешественников и мореходов, в заметках и записках дипломатов и журналистов	8
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Игорь Сенченко

Йемен. Земля ушедших в легенды именитых царств и народов Древнего мира

*Народу Йемена,
бережно хранящему обычаи и традиции, честь и достоинство
предков, и особенно жителям города Ходейда, гостеприимно принявшим
автора этой книги и его семью в 1970-х годах, посвящается*

К читателю

Йемен – это край исчезнувших с «лица земли» именитых царств и ушедших в легенды народов Древнего мира, искусных землепашцев и ирригаторов, маститых градостроителей и корабелов, храбрых воинов, отважных мореходов и предприимчивых торговцев.

О Древнем Йемене с восхищением отзывались знаменитые историки и географы античности. В царствах Древнего Йемена властвовали великие правители, владыки и владычицы. Жили и творили известные собиратели аравийской старины, оставившие увлекательные рассказы о жизни и быте йеменцев их седого прошлого, об обычаях и нравах *йеменитов*, «арабов первородных».

Йемен – это земля сложившихся в незапамятные времена и дошедших до наших дней традиций; место, где до сих пор живут по законам племенной чести, в соответствии со шкалой жизненных ценностей, унаследованных от предков, где свято чтут обычай гостеприимства.

Йемен – это место сохранившихся во времени одних из старейших городов на земле. Это музей под открытым небом с бесценным собранием оригинальных по форме и неповторимых по красоте архитектурных творений одного из народов-старцев земли. Это территория «чудес» Древнего Востока, таких, как Ма'рибская плотина и дворцово-храмовый комплекс Гумдан.

Йемен – это один из центров цивилизации Древнего мира. О величии и могуществе Йемена дней ушедших рассказывают летописи его «временных лет». Зримо напоминают о блистательном прошлом Йемена руинированные величественные дворцы и храмы, и остатки грандиозных оросительных сооружений, плотин и водоемов, этих «метафор вечности», как говорят о них исследователи Аравии дней сегодняшних.

Йемен – это страна благовоний и кофе. Эти богатства Йемена, равно как и ее удобные гавани и бухты, лежавшие на древних морских торговых путях, приковывали к себе взгляды и легендарных владык-воителей Ассирии и Вавилона, и императоров Рима и Византии, и владык Персии и Османской империи, и монархов государств-конкистадоров Европы.

Часть I

Знакомство с Йеменом. Запечатленное время

Йемен – это край древнейших ирригационных систем, крупных торговых центров, старейших городов и царств, величественных дворцово-храмовых комплексов и крепостей, «прародина арабов».

Легендарные цивилизации Древнего Йемена оставили заметный след в истории мировой архитектуры. Воистину великим был их вклад в развитие террасного земледелия. Что же касается искусства возведения плотин, то имя Древнего Йемена в этом списке исторического наследия человечества вписано золотыми буквами.

В землях Йемена сложился один из культурных центров Древнего мира, появилась алфавитная письменность. Если говорить об Аравийском полуострове, то именно в Йемене зародились ремесла – гончарное и кожевенное, оружейное и ювелирное.

Повествуя в своих сочинениях о «чудесах света», Фаросском маяке, к примеру, мавзолее в Галикарнасе или пирамидах Египта, античные авторы упоминали и о дивных дворцах и удивительных по красоте городах в загадочных землях Южной Аравии, о «диковинках» Хадрамаута и острова Сокотра, о легендарных царствах *сабейцев* и *химйаритов*.

Пересказывая легенды и предания, «слышанные ими от жрецов египетских и вавилонских», портретисты Аравии в лице именитых историков и географов прошлого чаще всего писали о благовониях аравийских – ладане и мирре. Сообщали о существовавших в Южной Аравии, в Древнем Йемене, «царствах цветущих и городах богатых», о торговых экспедициях мореходов «Океанской Аравии» в далекие земли заморские. Благодаря историкам времен античности и собирателям аравийской старины сохранились сведения об обычаях и традициях племен и народов Древнего Йемена. Так, у могил умиравших людей они обязательно помещали курильницы с благовониями, ибо бытовало поверье, что дымы благовоний ограждали покойников от злых духов.

Фигурировал Йемен и в списке «природных диковинок» Древнего мира, составленном арабскими географами и путешественниками. К ним они относили шедшие в Йемене многодневные проливные дожди. Жители тех мест, отмечает в своей «Книге путей и стран» знаменитый мусульманский географ Ибн Хордадбех (820–913/914), – «все лето под дождем, а урожай собирают зимой». В Сана'а' и в близлежащих местностях дожди идут все лето и часть сентября, начиная, порой, «с полудня и до заката». Поэтому, встречаясь на улицах, и беседуя друг с другом, жители йеменских городов, чтобы деликатно прервать поднадоевшую им беседу с докучливым соседом, говорят, что нужно, дескать, поспешать, так как скоро пойдет дождь, и надо успеть укрыться (1).

В древних южноаравийских надписях и в сводах аравийской старины Йемен именуется Йаманом, что в переводе с арабского языка значит «Земля, лежащая справа», то есть по правую длань человека, смотрящего в сторону восходящего солнца, на Восток. Поскольку правая сторона издревле считается у арабов Йемена и Аравии в целом счастливой, а правая рука – рукой, приносящей счастье, то и прозвали они земли на юге полуострова, плодородные и цветущие, сказочно богатые к тому же благовониями, ладаном и миррой, а также амброй и алоэ, «землей счастливой, краем благоденствия».

Здесь располагались крупные морские гавани с городами-рынками, где устраивали ярмарки и откуда торговые караваны с товарами из Индии и Африки уходили в царства Древней Месопотамии и Египет. Здесь, согласно преданиям древних аравитян, иудеев и египтян, лежала будто бы и «золотая страна Офир», известная «богатством и первородной красотой своей».

Южная Аравия, труднодоступная и таинственная для многих народов Древнего мира, удел племен *йеменитов*, «арабов первородных», предстает в описаниях блистательных древнегреческих и древнеримских историков и географов «землей чудес», полных диковинных существ, и «краем благовонных роц».

«Благовонных кустов» там росло так много, сказывают они, что *сабеи* (*сабейцы*), жители тамошнего царства Сабейского, одного из древнейших в мире, заложенного *йеменитами*, «арабами чистыми», автохтонами Аравии, даже «варили себе на них кушанья». Потому-то и шел от городов и селений их такой же благоуханный запах, как от алтарей римских и греческих, где в честь богов возжигали благовония, поступавшие из «земель ладана и мирры», что в Южной Аравии.

Историки и писатели прошлого, в том числе Геродот Галикарнасский (ок. 484 – ок. 425 до н. э.) и Плиний Старший (23–79), делились в своих работах и слухами, гулявшими по царствам Древнего мира, о неких таинственных обитателях земель «Счастливой Аравии». Рассказывали, к примеру, о священной птице Феникс, «с продолжительностью жизни в 509 лет», и об *иптоцентавре*, «существе с человеческим лицом, только свирепым, и лошадиными копытами вместо ног». Один раз в 500 лет, пишет Геродот, птица Феникс прилетала из «Счастливой Аравии» в «страну пирамид», в храм Солнца, где, как слышал он от жрецов египетских, «сжигала себя» на алтаре. И, «обретя молодость и красоту», возвращалась в «земли благовоний», чтобы через 500 лет вновь появиться во владениях фараонов, в храме Ра (Солнца), и повторить чудо (2).

«Счастливая Аравия» в сказаниях народов Древнего мира, в работах историков и географов античности, в воспоминаниях путешественников и мореходов, в заметках и записках дипломатов и журналистов

Первым, кто поведал народам античного мира об арабах Аравии и о «землях благовоний», был «Отец истории», Геродот Галикарнасский. Аравия, делится он собранными им сведениями, – это единственное место на земле, где растут ладан, мирра и кассия. Из Хадрамаута, по одному из караванных путей, по «дороге благовоний», ладан и мирру завозят в Палестину, Египет и Финикию. По другому маршруту, через Герру, благовония попадают в Месопотамию и Фарсиду.

Тремя увлекательными сочинениями тех далеких времен, содержащими в себе этнографические и географические сведения о землях и царствах Древнего Йемена, являются работы греческого географа и историка Страбона (64/63 до н. э. – 23/24 н. э.), древнеримского писателя-эрудита Плиния Старшего (23–79) и позднеэллинического астролога и географа Клавдия Птолемея (ок. 100 – ок. 170; жил и работал в Александрии Египетской).

Страбон и Плиний Старший делили Аравию на «Счастливую» и «Пустынную», включавшую в себя – в их понимании карты античного мира – и Сирийскую пустыню. Аравия в трудах Птолемея представлена тремя частями: «Аравией Счастливой», «Аравией Пустынной» и «Аравией Петрейской» или «Аравией Скалистой», то есть землями тогдашнего царства Набатейского. «Аравию Пустынную» (*Arabia Deserta*) Страбон и Плиний именовали «землями саранчи, миражей и верблюдов». «Аравию Счастливую» (*Arabia Felix*) величали «царством благовоний» и «краем блаженства».

В описании Страбона Древняя Аравия – это «земля пяти краев»: Йемена, Тихамы, Хиджаза, Неджда (Наджда) и Йамамы (3). Арабские историки и географы прошлого разбивали Аравию на шесть частей: Тихаму (на побережье Красного моря), Наджд, Хиджаз, Бахрейн, Йамаму ('Аруд и Джав в прошлом) и Йаман (Йемен). То есть в качестве еще одной «значимой» территориальной единицы Аравии прошлого указывали на Бахрейн.

Названия всех этих мест просты и понятны для всякого жителя «Острова арабов». Так, Тихама в переводе с арабского языка – это «Сильный жар», иными словами, – «Дышащая жаром земля», место низменное и жаркое. Наджд (Нежд) значит – «Место возвышенное», а 'Аруд – «Земля, лежащая поперек», то есть между Йаманом (страной, находящейся по правую руку человека, смотрящего на Восток) и Бахрейном («Обителью двух морей» – моря пресной воды под самим островом и моря соленых вод вокруг него). Что касается Хиджаза, то смысл наименования этой части Аравии – «Преграда», то есть местность, опоясанная цепью гор (4).

Важными в торговом отношении землями «Аравии Счастливой» греки считали Хадрамаут, Махру, Оман, Аш-Шихр и Наджран.

Арабские географы и историки прошлого отзывались о землях Древнего Йемена не иначе как о Йемене Великом. В те времена он был важнейшим звеном легендарной торговой цепочки, связывавшей царства Средиземноморья с Индией и Китаем. Отсюда, из торговых городов-портов Южной Аравии, из 'Адана (Адена) и Кана', Эль-Худайды (Ходейды) и Эль-Муджи (Музы, Мохи), шли в Рим и подвластные ему земли, а потом и в Константинополь «самые дорогие» товары. Отсюда на рынки Римской империи, а потом и Византии поступали благовония и алоэ, жемчуг и ароматы (духи) из Аравии, шелк из Китая, специи из Индии, черепаховые панцири и слоновая кость из «земель *зинджей*» (из Африки).

Йемен, по словам известного арабского географа 'Абд ар-Рашида ал-Бакуви (вторая половина XIV в. – начало XV в.), включавший в себя земли от Наджрана на севере до Омана

на юге, был страной обширной, «обильной деревьями и посевами». Потому-то и звалась она у арабов «Зеленой» (Эль-Хадра). Сеяли там, сообщает ал-Бакуви, «в год четыре раза»; и каждый посев убирали через 60 дней. Деревья в Йемене «плодоносили два раза в году». Жители Йемена слыли среди арабов Аравии людьми гостеприимными (5).

В сочинениях историков и географов античности содержится много легенд о городах «Счастливой Аравии», «числом 164», а также о ее «пяти живописных бухтах и 35 островах», на одном из которых, обитала гигантская птица Рухх, «способная поднять в воздух парусник с матросами».

Историко-этнографический свод под названием «Аравийская старина», повествующий об «Острове арабов», как называли в глубокой древности Аравийский полуостров *йемениты*, «арабы чистые», автохтоны Аравии (интереснейшие страницы в нем посвящены Древнему Йемену), составлялся долго и кропотливо. В написании этого шедевра, сохранившегося, к сожалению, в летописях «временных лет» человечества не полностью, принимали участие поэты и сказатели, собиратели древностей, писцы и хронисты, историки и географы, путешественники, мореплаватели и любознательные торговцы.

Одно из первых описаний земель Йемена., «Страны благовоний», составили по распоряжению легендарной правительницы Древнего Египта, прекрасной и мудрой Хатшепсут (1507–1458 до н. э.), женщины-фараона Нового царства из XVIII династии фараонов. Она была дочерью Тутмоса I и главной женой фараона Тутмоса II. После смерти мужа Хатшепсут отстранила от власти его несовершеннолетнего сына от другой жены и провозгласила себя владычицей Египта. Лично участвовала во многих военных походах. Восстановила, можно сказать, Египет после нашествия на него *гиксосов* (кочевых племен из Передней Азии). Предания гласят, что Хатшепсут отличалась любознательностью и «тягой к знаниям». Привечала у себя «мужей ученых» и снаряжала экспедиции египтян в «чужие края», в том числе в таинственную и загадочную страну Пунт, в «царство золота и благовоний». Отправляя туда послов своих, давала наказ: вести описание путей, собирать сказания о народах, интересоваться их преданиями и легендами, обычаями и нравами.

Заметное место в галерее «портретистов» земель Древнего Йемена занимает Геродот Галикарнасский (ок. 484 – ок. 425 до н. э.). Своими глазами он видел многие великие царства Древнего Востока. Бывал в Египте и Вавилоне (450 г. до н. э.). Слышал там от жрецов сказания о землях, племенах и народах «Счастливой Аравии», о загадочной «Ладаноносной стране», что на юге «Острова арабов», о крае, который «благоухает божественным ароматом» (6).

Древнегреческий философ Теофраст (ок. 370–288/285 до н. э.), ученик Аристотеля, первым поведал жителям Древнего мира о богатом йеменском государстве Сабал, его жителях., купцах и мореходах, сборщиках ладана и торговцах алоэ. Сабейцев он величал «финикийцами южных морей». И неслучайно. Морские пути в «южных морях» они, действительно, знали отменно. Активно торговали с Индией и Персией, Восточной Африкой и Цейлоном. «Подобно финикийцам, устремлялись в страны далекие для установления с ними торговых связей» (7).

Жили *сабейцы*, по словам Теофраста, в достатке, и «превосходили все другие народы богатством и роскошью... Кровати и треножки у них были на серебряных ножках».

Источник богатства *сабейцев*, сообщал Теофраст, – благовония. Сведения о них приведены Теофрастом в его знаменитой «Истории растений». Деревья, дававшие ароматические смолы, писал он, «ладан, мирра, кассия, кинамон», в обилии произрастали в землях *сабейцев*. Охраны «благовонных рощ», как таковой, не существовало. *Сабейцы* были «честны между собой». «Никто не испытывал нужды выставлять охрану для защиты своей собственности». Чистая камедь благовонных деревьев, отмечал Теофраст, оценивалась в его время «вдвое дороже серебра» (8).

Из рассказа Теофраста следует, что все благовония, собиравшиеся в Хадрамауте, свозили в Саботу (Шабву у арабов), древнюю столицу этого края. Там ежегодно, в одно и то же время,

проходили ярмарки. Ладан и мирру выставляли для продажи во дворе главного храма. Каждый из владельцев-продавцов благовоний ссыпал свой товар в «отдельную кучку». Втыкал в нее «дощечку с обозначением числа имевшихся в ней мер», а также цены «за ту или иную меру», и удалялся. Торговцы, приходившие туда за товаром, внимательно знакомились с информацией, содержащейся на дощечках-ценниках. «Перемеряв понравившуюся им кучку», забирали выбранный товар, а на его место клали подлежащую к оплате сумму денег. Треть от выручки с «каждой проданной кучки благовоний» поступала в пользу храма (ее изымал жрец из тех денег, что покупатели оставляли на местах приобретенного ими товара). Один раз в день, ближе к вечеру, во двор храма наведывались владельцы товара и забирали то, что им причиталось. Обмана и мошенничества не наблюдалось. Благовония, оставшиеся невостребованными, в полной сохранности возвращали их владельцам.

Благовоний в тех краях произрастало так много, сказывал Теофраст, что, со слов ходивших туда мореходов-греков, даже ветер, дувший с той земли, благоухал (9).

Резиденция владык Хадрамаута, дворец Шакир, один из самых роскошных и знаменитых в Древнем Йемене, построенный еще в I в. до н. э., не сохранился; был сожжен и разрушен *сабейцами* (в III в. н. э.).

Не обошел вниманием земли Древнего Йемена и Эратосфен Киренский (ок. 276–194 до н. э.), один из самых разносторонних ученых античности, греческий географ, филолог, астроном и поэт, глава Александрийской библиотеки. Повествуя о царствах Древнего Йемена в своей знаменитой «Географии», он с восхищением отзывался о столицах всех четырех йеменских царств (Саба', Катабане, Ма'ине и Хадрамауте), «местах проживания монархов», которые украшали величественные дворцы и храмы (10).

Эратосфена, человека беспримерных знаний о странах и народах Древнего мира, часто называют «Отцом географии» (он первым ввел в обращение термин «география»).

О благовониях аравийских, о жизни и быте сабейцев рассказал в своей «Исторической библиотеке» и древнегреческий историк Диодор Сицилийский (ок. 90–30 до н. э.). Описывая «Аравию Счастливую», он указывал, что в его время она давала «большую часть товаров», считавшихся у греков дорогими. Сабейцы владели огромными стадами скота, в «количествах невообразимых», и «превосходили в богатстве» не только соседних арабов, но и «всех прочих людей». Дворец их владыки, «получавшего престол по наследству», располагался в столице царства, в городе Саба'. И сам дворец тот, и жилища сабейцев отличались роскошным внутренним убранством и впечатляющим внешним видом. В домах сабейцев имелись «чеканные кубки разного вида, сделанные из золота и серебра». Некоторые колонны дворцовых залов «венчали серебряные фигуры». Потолочные деревянные перекрытия и двери домов обращали на себя внимание дивной резьбой и искусной инкрустацией из слоновой кости (11).

В «Аравии Счастливой», говорится в сочинении Диодора, «в изобилии» произрастают растения, «дающие ароматические вещества». Оттуда «берутся ладан и мирра», и «расходятся потом по всем странам мира». Их возжигают в храмах – в честь богов. Заросли благовонных роц в землях тамошних – таких больших размеров, и благовоний там всяких – в столь великом множестве, что в то время как народы прочие экономно используют их, возжигая у алтарей богов своих, арабы «очаги ими подтапливают», а рабы их – «постели себе из оных стелют».

«Счастливая Аравия», восклицает Диодор, – это, воистину, обитель благовоний! Здесь, в некоторых местах, даже земля, порой, источает благовонные пары, когда во время работ рудокопов «открываются, случается, душистые вены земли». Приятные запахи «благовонных роц и жил земных», разносимые ветром, чувствуют даже мореходы, проходящие вдоль побережья края того на судах своих (12).

Имелись в землях «Аравии Счастливой», извещал Диодор, смарагд и бериллий. Добывали там и золото, в самородках, «размером с каштан». У купцов оно звалось «тусклым», то

есть не нуждавшимся в выплавке. Золотых дел мастера тамошние изготавливали из него женские украшения (13).

Веда речь о верблюде, животном Аравийской пустыни, о котором в Риме и в Греции знали тогда немногие, Диодор отмечал, что служил верблюд арабам Аравии одинаково хорошо и в мирное, и в военное время; что аравийцы широко использовали верблюдов и в домашнем хозяйстве, и в торговых, и в военных целях. Во время сражений, на поле брани, на верблюда усаживались по двое лучников; «один из них – спереди, другой – сзади»; и разили врагов стрелами (14).

Писал о Древнем Йемене и Страбон (64/63 до н. э. – 23/24 н. э.), знаменитый историк и географ прошлого, автор всемирно известной «Географии» и не сохранившихся до наших дней «Исторических записок». Древний Йемен, слывший среди народов мира «краем благовоний», сообщил Страбон, отличался «плодородием земель», был богат «пчелиными пасаками» и домашним скотом, и состоял из множества племенных уделов. Самыми большими из них Страбон называет места обитания *минеев* (*минейцев*) со столицей в Карна; владения примыкавших к ним *сабеев* (*сабейцев*), со столицей в Ма'рибе; земли *каттабанов* (*катабанцев*), простиравшиеся до пролива (Баб-эль-Мандебского) и управлявшиеся из Тимна; и территорию проживавших на востоке *хатрамотитов* (*хадрамаутицев*) со столицей в Саботе (Шабве у арабов, основанной Савтой, сыном Куша, одним из четырех сыновей Хама, сына Ноя). Все они управлялись властелинами их единолично, и процветали. Царство и престол у них наследовал «не сын от отца», а сын того знатного человека, который первым рождался после восшествия на престол очередного царя. Поэтому одновременно с коронацией нового царя составляли «список беременных жен знатных людей» и «приставляли к ним стражу» – для наблюдения. Сына той из них, которая рожала первой, царь, по существовавшему тогда закону, усыновлял. И воспитывал по-царски, «как будущего наследника».

Катабания (Катабан), говорит Страбон, давала ладан, а Хатрамотида (Хадрамаут) – мирру. «Эти и иные благовония» местные жители обменивали на «товары других земель», что завозили к ним купцы заморские. Торгуя благовониями с абиссинцами, *йемениты* приобретали у них в обмен бивни слонов и шкуры диких животных. *Торговцы-йемениты* регулярно наведывались в Троглодитику (Сомали) и Птолемаиду Охотничью, «место охоты на слонов» (располагалось оно у нынешней границы Судана и Эритреи). Товары «с одного материка на другой» перевозили на кожаных надувных лодках (15).

Повествуя о «стране весьма большого племени *сабеев*» (*сабейцах*), «землях ладана», Страбон сказывал, что «ввиду изобилия благовоний» народ той страны был сыт и богат, «предавался праздности и вел беззаботный образ жизни». Завозя всевозможные товары из Индии, Персии и Африки, «перепродавал их дальше». «Главный город *сабеев*, Мариаба [Ма'риб]», располагался на горе. Жил в нем – в роскоши, неге и веселье – царь их, «решавший меж ними тяжбы и прочие дела». Одна часть народа занималась земледелием, другая – торговлей благовониями, которая, как подчеркивает Страбон, сделала *сабеев* (*сабейцев*), также как и *герреев* (*геррейцев*), жителей Герры, именитого торгового города Древней Восточной Аравии, «самыми богатыми из всех племен аравийских». Таковы сведения о *сабейях*, замечает Страбон, приводимые Артемидором Эфесским (греческий географ I в. до н. э., автор свода рассказов-наставлений о путешествиях по Красному и Средиземному морям), Эратосфеном Китионским (греческий историк и географ, умер в 194 г. до н. э.) и некоторыми другими именитыми авторами (16).

Кроме благовоний, «в обилии» собирали тогда вдоль южного побережья Древнего Йемена еще и амбру, стоившую на рынках Древнего мира, «как золото».

Караваны с аравийскими благовониями и амброй шли из Хадрамаута в земли Средиземноморья и Месопотамии двумя путями. Первым из них, через Ма'риб, Макоробу (Мекку) и Петру, – в Аш-Шам (Сирию, Ливан и Палестину); а вторым, через Герру, – в Месопотамию.

Занятия и ремесла народов, проживавших в царствах тех, «от одних к другим не переходили». Каждый там занимался строго тем, чем и его предки. «Все родичи владели имуществом сообща, но старшему мужчине в роду принадлежало главенство».

Существовал в царствах «земель благовоний», по словам Страбона, и такой обычай, как «общность жены». Если в семье была только одна женщина, то жить с ней могли все мужчины этой семьи. Тот из них, кто входил в дом первым, имел с ней первым и «половое общение». Непременно при этом он оставлял у дверей жилища свою трость, служившую знаком-предупреждением остальным мужчинам. Ночь, однако, такая женщина проводила только со старшим в семье мужчиной. Прелюбодеяние (им у *йеменитов* считалась любовная связь женщины с «посторонним мужчиной») наказывалось строго – каралось смертью (17).

Рассказывая о народах «Аравии Счастливой» и «Аравии Песчаной», или Аравии Нижней и Верхней, как фигурируют земли, лежащие на юге и на севере полуострова, в речи древних арабийцев, Плиний Старший (23/24-79) отмечал следующее. Племена кочевников «живут скотоводством и охотой». Жители оазисов – земледелием и садоводством. Делают вина из плодов пальмовых деревьев и масло из сезама (кунжута) жмут. Наиболее густонаселенные места у них – в «стране *хомеритов*» (*химйаритов*). У *минеев* (*минейцев, майнцев*) – самые плодородные поля и пальмовые рощи; богаты они и скотом. «*Кеубаны и арреи*» (население Катабана) – превосходные воины. Особенно же это относится к *хадрамитам* (жителям Хадрамаута). Самый богатый народ – *сабеи* (*сабейцы*). Источник их богатства – благовония, золотые рудники, а также медовый и восковый промыслы (18).

Благодаря Страбону, Плинию Старшему и Флавию Арриану, сохранились сведения о морской экспедиции эллинов к берегам Южной Аравии, предпринятой ими из Египта. Во время этого плавания, сообщает Страбон, греки «осмотрели берег арабов» в Эритрейском (Красном) море вплоть до пролива (Баб-эль-Мандебского). Продвинувшись через него, вышли к побережью Южной Аравии «с плантациями деревьев, дающих благовонную смолу». После чего «повернули назад».

Высказывается предположение, что именно тогда греки и разыскали Сокотру (Сукутру у арабов), «Остров благоденствия», «место лучшего в мире алоэ», «важнейшего лекарственного снадобья». Так отзывался о Сокотре в письме Александру Македонскому его учитель, Аристотель, побуждая Александра Великого непременно найти этот остров и поселить на нем греков.

Экспедиция проходила в рамках подготовки (324 г. до н. э.) к задуманному Александром Македонским, но так и не состоявшемуся по причине его внезапной смерти, «аравийскому походу». В целях исследования «берега арабов» было совершено несколько морских походов, – как со стороны Персидского залива, так и Эритрейского (Красного) моря.

В «Перипле Эритрейского моря» (89 г.), широко известном в Древнем мире географическом произведении неизвестного автора (греческого купца, судя по всему, жившего в Египте), содержатся довольно точные описания Красного и Аравийского морей, а также Аденского залива, омывающих побережье Йемена. Вдоль них пролегали сухопутные торговые пути египетских купцов, следовавших с караванами в земли Южной Аравии, в том числе в Адан (Аден; в I тысячелетии до н. э. принадлежал царству Аусан; в 525–575 гг. находился под властью Аксумского царства; впоследствии отошел Султанату Лахдж). Коммерсанты Древнего мира называли Аден «рынком Нижней Аравии». Закупали там благовония и амбру, жемчуг и кораллы, а также панцири черепах и слоновую кость. Все эти, как и другие «дорогие товары» прошлого, мореходы и торговцы «в обилии» приобретали и в Эль-Мудже (Мохе). Этот город на Аравийском побережье Красного моря, сделавшийся со временем мировой столицей торговли кофе, слыл среди «купцов из египтян и арамейцев», говорится в «Перипле Эритрейского моря», «первой Аравией». Мореходы именовали Эль-Муджу «входными воротами в Страну благовоний» (19).

Весомый вклад в описание Древнего Йемена внес Косма Индикоплов (VI в.). Был он византийским купцом, современником императоров Юстина и Юстиниана, пытавшихся прибрать к рукам земли «Счастливой Аравии» с ее городами-портами, центрами оптовой торговли «дорогими товарами», в том числе драгоценными камнями и ароматами, то есть духами (20).

Занимаясь делами торговыми, хаживал Косма в Восточную Африку, в Индию и на Цейлон (518–520). Неоднократно посещал Аксум, древнюю столицу Абиссинии, а также порты и рынки обоих побережий Красного моря и Персидского залива. Именно он поведал миру о величественных статуях роскошного дворца владыки Аксума. Поделится собранными им сведениями о древних народах и царствах бассейна Красного моря; о бойкой торговле на Цейлоне, крупнейшем в его время коммерческом перекрестке мира; и о товарах, шедших через него, «разных и богатых», из Индии и Китая, Персии и Восточной Африки.

Судя по всему, человеком Косма Индикоплов был любознательным и «плавателем удачливым». Опасными «тропами морскими» наведывался, и не раз, в царства Юго-Восточной Африки. Все земли, где ему довелось бывать, говорит Косма, вели тогда торговлю «золотой монетой византийской». Принималась она, по его словам, охотно и всюду, «от одного края земли до другого».

Упомянул Косма в своей «Христианской топографии», написанной в 547 г., и об «Аравии торговой», о купцах и мореходах Южной Аравии. Рассказал о бытовавших тогда среди аравийцев преданиях о народах-старцах Древнего мира, связанных, в частности, с сыновьями Хама (Кушом и Мисраимом, внуками Ноя), именами которых народы далекого прошлого величали абиссинцев (*кушитов*) и египтян (арабское название Египта – Миср). Поведал Косма и о сказаниях *йеменитов* о Саба' и Эвеле, сыновьях Куша, «владыках *омеритов*» (*сабейцев*) и их соседей в Южной Аравии (21).

Повествуя о «Ладаноносной стране», что «вблизи Океана», о ее торговых связях с Барбарией, что «в двух днях пути» от нее через «лежащее между ними море», сообщил Косма и об *арабитах*, то есть о кочевых арабских племенах Аравийского побережья Красного моря, и о животном и растительном мире острова Сокотра. Иными словами, познакомил любознательного человека тех лет с древними обитателями земель Южной Аравии, богатыми благовоениями. Обратил внимание Косма и на «стаи больших птиц» (*сусфа* в речи арабов-мореходов, как они именовали альбатросов), гнездившихся тогда на утесах вокруг Адена (22).

Проживая в Александрии и «пребывая в суеде житейской», занимаясь, по его выражению, «плетением жизни», Косма Индикоплов все же нашел время и запечатлел «картины земли». Оставил воспоминания о том, что видел и слышал, бывая в чужих краях. Шире распахнул «завесу таинственности и неизвестности», скрывавшую от мира «Остров арабов» с его ушедшими в легенды древними обитателями и блистательными царствами Южной Аравии, и правившими в них властелинами великими и мудрыми, мужчинами и женщинами. Одну из них, Билкис, владычицу царства Сабейского, он называет «царицей Юга». Пересказывает легенду о том, как навещала она царя Соломона, с дарами богатыми. Золото, серебро и «бревна эбенового дерева», привезенные в подарок ему, пошли на убранство и внутреннюю отделку построенного им знаменитого храма. Диковинных же животных из Абиссинии, обезьян и жирафов, доставленных ею в Иудею, поместили в дворцовый зверинец царя Соломона.

Богатым источником сведений о Древнем Йемене, землях искусных ирригаторов и градостроителей, маститых корабелов и отважных мореходов, равно как и о жизни и быте йеменцев прошлого, их городах, крепостях и замках, является «Книга о памятниках и чудесах царя могучего» арабского географа 'Абд ар-Рашида ал-Бакуви.

Йемен – это обитель *'адитов*, «арабов первородных», пишет ал-Бакуви. Земли, где они проживали, между Аденом и Хадрамаутом, были самыми густонаселенными и богатыми. Но воспротивились *'адиты* воле Аллаха, не вняли наставлениям посланного к ним пророка Худа – и «исчезли с лица земли». Теперь в местах их поселений – одни песчаные холмы. Легенды

гласят, что в уделе *'адитов*, на горе Каукабан, располагались два из множества построенных ими дворцов-замков, «богато усыпанных» драгоценными камнями; по ночам они светились так ярко, что служили маяком для путников (23).

Родом из тех мест был широко почитаемый среди племен Аравии йеменский богослов 'Абд ар-Рахман Тавус ибн Кайсан ал-Йамани (634–724), один из самых сведущих людей своего времени в вопросах «дозволенного» и «недозволенного» в исламе. Скончался в Мекке, в возрасте 90 лет. Вердикты его по тем или иным вопросам «дозволенного» и «недозволенного», основанные на глубоком знании Корана и *хадисов* (рассказов о поступках и высказываниях Пророка Мухаммада и Его сподвижников), до сих пор имеют силу в племенах Йемена и Аравии в целом. Известно, что за свою долгую жизнь он 40 раз совершал паломничество в Мекку.

Гордятся йеменцы и другим своим соотечественником Абу 'Абд Аллахом Вахбой ибн Мунаббихом (646–733), историком, собирателем преданий и сказаний народов и племен Южной Аравии.

Большой раздел в цитируемом нами сочинении ал-Бакуви посвящен городам Йемена, к рассказу о которых мы еще вернемся в специальном разделе этой книги.

Увлекательное описание земель Древнего Йемена содержится в «Книге стран» известного арабского историка, географа и путешественника ал-Йакуби (ум. 897 г.). В ней говорится, к примеру, о йеменских островах Зайла и Дахлак (24). Первый из них, что у африканского побережья Аденского залива, славился, по словам ал-Йа'куби, промыслом амбры и панцирей черепах. Архипелаг Дахлак, что в Красном море, был известен ловлей жемчуга, и считался одним из бойких центров торговли йеменцев с Абиссинией. При Омейядах ('Умаййидах, 661–750) и ранних 'Аббасидах (750–1258) остров этот служил еще и местом для ссылки лиц, неугодных халифам.

Из «Книги стран» ал-Йа'куби следует, что коренными жителями древнего сирийского города Ал-Лазикийя (Латакия), согласно сказаниям *йеменитов*, являлись выходцы-переселенцы йеменских племен *ал-салих*, *ал-зубайд* и *бану йахсуб* (последнее из них обитало в области между Ма'рибом и Сана'а).

Среди арабских коммерсантов прошлого были именитые историки и сказатели. Удачно совмещал торговое дело с занятием историей и географией знаменитый торговец-путешественник Древнего Востока ал-Масуди (896–956). Хаживал он и в земли Южной Аравии. Высаживался в Адене и на острове Сокотра. Посещал г. Сана'а.

В своем сочинении «Золотые копи и россыпи самоцветов» ал-Мас'уди пишет, в частности, о том, что из Йемена и 'Умана (Омана) шли в Багдад и Дамаск купцы с караванами «богатых товаров», поступавших в Южную Аравию из Африки. Везли они шкуры «красных леопардов» (ими обивали седла), «черепаховые панцири» и «клыки слонов» (бивни). Среди других товаров, завозимых из Африки через порты Южной Аравии в земли Халифата, ал-Мас'уди называет *ад-дурру* (сорго) и плоды *ал-калари* (сравнивает их с трюфелями). Много «плодов *ал-калари*», по словам ал-Мас'уди, видел он на рынках в «стране 'Адан» (в Адене), а также в тех местах, что «примыкали к 'Адану из других земель Йемена». Обратил внимание ал-Мас'уди и на «огромное количество меда» (любимое лакомство йеменцев и оманцев) на рынках Южной Аравии.

Упомянув о «местности Забйад», ал-Масуди сообщает, что правил ею тогда шейх Ибрахим ибн Зийад, по прозвищу Владеющий рутой (лекарственное растение). Арабы-торговцы вывозили оттуда во все провинции Халифата не только само это растение, но и приготовленные на его основе снадобья. Многолетний кустарник рута, в изобилии произраставший в то время в Йемене, использовался и в лечебных целях, и как пряность.

Заслуживают внимания свидетельства ал-Масуди о том, что, будучи в Египте, он встречал там много потомков йеменских переселенцев из числа древних племен *бану кахтан* и

бану ибн рабиа. Жили они богато, повествует ал-Мас'уди. Занимались в основном коммерцией. Многие из них слыли в Египте «мужами именитыми».

Среди предков самого ал-Мас'уди, как рассказывает арабский историк Абу-л-Фида' (1273–1331), «был некто Мас'уд, сын которого сопровождал Пророка Мухаммада во время Его *хиджры*» (переселения в 622 г. из Мекки в Медину).

Связи египтян с народами и царствами Древнего Йемена уходят корнями в далекое прошлое. Торговцы древних йеменских царств доставляли из «Страны ладана» в «земли фараонов» благовония и ароматы (духи), хну и жемчуг, черные кораллы и амбру.

Регулярно торговцы-йеменцы совершали морские экспедиции к побережью Восточной Африки. В заметках о посещении им земель африканских с «владельцами кораблей из жителей 'Умана [Омана]» ал-Мас'уди вспоминает, как познакомился во время пути с «ходившими туда по делам торговым» купцами-работорговца-ми. Мореходы и негоцианты Южной Аравии, отмечает ал-Мас'уди, йеменцы и оманцы, именовали в то время все народы Восточной Африки *зинджами*, то есть людьми с темным цветом кожи, а воды вдоль восточноафриканского побережья – «*Морем зинджей*». В Софале, замечает он, торговцы из Йемена, Омана и княжеств Аш-Шамал (нынешние ОАЭ) закупали слоновую кость, золото и «другие сокровища».

В Малинди, еще одном популярном среди негоциантов Южной Аравии коммерческом центре Восточной Африки, как отзывается об этом месте ал-Мас'уди, где *зинджи* «владели рудниками и торговали железом», йеменцы приобретали руду. Везли ее в Индию. Размещали там заказы на изготовление железа. Потом поставляли его в Йемен и Сирию, где из него ковали мечи, изготавливали кольчуги и кинжалы.

Увлекательный рассказ о повседневной жизни морских портов Аравии прошлого, в том числе об Адене и Мохе, содержится в «Книге чудес Индии» (середина X века), знаменитой антологии преданий арабов «Океанской Аравии» об их отважных мореходах.

Делясь впечатлениями о Сокоотре, легендарном острове у побережья Йемена, ал-Масуди пишет, что в его время на нем проживали потомки тех греков, которые обосновались там еще во времена Александра Македонского.

Путешествуя по землям Йемена (первая половина тридцатых годов X в.), ал-Масуди побывал в Сана'а', одном из древнейших городов мира, находившимся тогда под властью Ас'ада ибн Ибрахима, правителя из династии Йа'фуридов. Видел руины величественного дворцово-храмового комплекса Гумдан и то, что осталось от знаменитой Ма'рибской плотины с ее огромным резервуаром, в который собирались стекавшие с гор воды и затем – по разветвленной системе каналов – распределялись по полям. Местность вокруг Ма'риба, была, по его словам, хорошо возделана, а сады тамошние – столь обширны, что по ним можно было ехать в любом направлении в течение трех дней, укрываясь в тени фруктовых деревьев (25).

Одни из интереснейших работ, посвященных доисламскому Йемену, его истории и культуре, принадлежат перу крупнейшего йеменского историка и географа Абу Мухаммада ал-Хасана ибн Ахмада ал-Хамдани. Родился и вырос он в городе Сана'а'. Живо интересовался прошлым своей родины. Много путешествовал. Собирал предания и сказания йеменских племен о зарождении их уделов. Переписывался с потомками *йеменитов*, покинувших родные земли и «ушедших жить в чужие края», в Сирию и в Египет, в Месопотамию и в Верхнюю Аравию, в 'Уман (Оман) и на Бахрейн. Его 10-томный свод йеменской старины под названием «Венец» («Ал-Иклил»), а также географический труд «Описание Острова арабов» («Сифат Джазират ал-'араб») – это ценный источник информации о землях и народах Древнего Йемена, об их обычаях и нравах.

Достаточно много внимания уделено в его произведениях мореплаванию южноаравийцев и их торговле с царствами африканского побережья. Рассказы ал-Хамдани о путешествиях торговцев Южной Аравии по «*Зеленому морю*» или «*Морю зинджей*», как он называет Индий-

ский океан, с сокотрийским алоэ и ладаном из Хадрамаута в «богатые золотом земли *зинджей*» переполнены интересными этнографическими зарисовками.

Судьба этого разносторонне образованного человека, оставившего потомкам бесценные труды по истории и памятникам древности «Острова арабов», в первую очередь Йемена, – печальна и трагична. Вернувшись в Йемен, после недолгого проживания в Мекке, и поселившись в Са'аде (город возник на месте, где издревле собирались паломники, направлявшиеся из Йемена в Мекку), он был обвинен недоброжелателями в оскорблении памяти Пророка Мухаммада и брошен в темницу, где и скончался.

В рассказах ал-Хамдани о царях Древнего Йемена говорится о том, что Самарканд основал царь из йеменской правящей династии *Тубба*. И что на воротах этого города имелась, будто бы, памятная надпись, подобная тем, что археологи обнаружили на колонне древнего храма на берегах Нила и на воротах легендарного дворцово-храмового комплекса Гумдан, одного из чудес Древнего Йемена. Эти метки давно ушедших в легенду правителей Древнего Йемена, оставленные ими в разных уголках земли, отмечали впоследствии, ссылаясь на ал-Хамдани, многие именитые арабские историки, указывают на то, что военные экспедиции йеменцев «уходили далеко за горизонт», и «покоряли царства великие и народы славные и могучие».

История свидетельствует, что в прошлом Самарканд поддерживал насыщенные торговые связи с Арабским Востоком. Город этот, древний и знатный, славившийся производством бумаги, являлся одно время главным ее поставщиком в Халифат, для всех писцов и архивариусов (26).

Бумагу впервые начали изготавливать в Китае, в 105 г. до н. э. Во время сражения арабов с китайскими войсками в 751 г. восточнее Сырдарьи, где арабы одержали победу, среди пленных, захваченных ими, оказались и несколько китайских мастеров бумажного дела. Они-то и основали это ремесло в Самарканде. Оттуда оно шагнуло в Ирак, Сирию, Египет, Марокко и Испанию.

Знаменитый арабский мыслитель Абу Хаййан ат-Таухиди (ум. ок. 1023) поведал в своей увлекательной «Книге услады и развлечения» об известных йеменских ярмарках, их обычаях и традициях, а также о прославленных племенных поэтах Аравии, в том числе и Древнего Йемена.

Отец Абу Хайяна ат-Таухиди торговал финиками сорта «*ат-таухид*». Отсюда – и прозвище ат-Таухиди, перешедшее впоследствии и к его сыну. При жизни Абу Хайяна его сочинения преследовал рок. Бытовало поверье, что они, дескать, приносят несчастье их владельцам. По этой причине, незадолго до смерти, он сжег свою библиотеку, а вместе с ней – и бесценные записи собранных им сведений о племенах и царствах Южной Аравии.

С восторгом ат-Таухиди отзывался о Древнем Йемене вообще и о городе Сана'а' в частности. Оттуда, писал он, торговцы везли во все земли Аравии «прекрасной работы ножи и кинжалы», а также тонкие шерстяные плащи, конкуренцию которым могли составить только изделия бахрейнских ткачей.

Описывая места проведения ярмарок в Аравии, ат-Таухиди сказывал, что особое положение среди них занимали рынки Сухара и Диббы, Адена и Сана'а', 'Указа и Эль-Муджи (Мохи). В древние времена, сообщает ат-Таухиди, племена встречались у источников воды; там «держали совет», «высказывали обиды», заключали союзы и договоры. Впоследствии все это стали делать на ярмарках. Устраивались они регулярно, и в строго отведенное для них время года, на ведущих, выражаясь современным языком, торговых площадках Аравии.

На многих из них проходили схватки-поединки поэтов, «рыцарей слова». По существовавшему в Аравии обычаю, повествует ат-Таухиди, правители одаривали именитых поэтов и сказателей «почетной одеждой», обычно – «халатом с расшитой золотыми нитками чалмой». В своих стихах поэты Древней Аравии воспевали славные деяния их племен, храбрость и мужество воинов, гостеприимство и щедрость соплеменников, честь и верность араба Аравии дан-

ному им слову. Поэзия, говорит он, была скрижалями времени, хранившими сведения о жизни племен.

Об истории рождения города Сана'а, красавицы-столицы Йемена, одного из древнейших городов мира, можно узнать, прочитав работу историка Ахмада ар-Рази (ум. 1068) «История Сана'а» («Тарих Сана'а»), путешествие по которой мы еще совершим, знакомя читателя с городами и замками, крепостями и храмами Древнего Йемена.

Рассказывали о Йемене и его городах, Шибаме и Тариме, Таузе и Забиде, и прославленный арабский историк Мухаммад ал-Идриси (1099/1100-1165); и знатный химйарит, знаток древней истории Йемена Нашван ибн Саид ал-Химйари (ум. 1178 г.), оставивший потомкам свод преданий о царях династии Тубба; и Ибн Джубайр (1145–1217), знаменитый арабский исследователь Востока из племени кинана, автор нащумевших в свое время путевых заметок «Рихлят ал-кинани» («Путешествие кинанита»).

Находясь в Мекке, Ибн Джубайр наблюдал за прибытием в Священный город (март 1184 г.) бежавшего из Йемена правителя Адена, эмира 'Усмана ибн 'Али, с караваном, «тяжело нагруженным вещами и ценностями». Величину и стоимость богатств эмира определить, по словам Ибн Джубайра, не мог никто. Сокровища эмира Адена были «несметными, достойными самого Каруна» (легендарный богач из «народа Моисея»). Управляя землями Адена, эмир «обращался с купцами наилучшим образом». Торговля «ценными товарами», поступавшими из Индии, проходила через его руки. Поскольку правление эмира длилось долго, а доходы были большими, то и богатства он скопил огромные. Спасаясь от гнева Салах ад-Дина, покинул Аден накануне прибытия в город Сайф ал-Ислама Тугтагина, наместника Йемена из династии Айюбидов, брата Салах ад-Дина (египетские войска вторглись в Йемен в 1173 г.; с 1184 по 1229 гг. Йемен – вассальный султанат египетских Айюбидов). Уходил морем, на нескольких *джалабах* (тип парусного судна), битком набитых разными ценностями, золотом, серебром и драгоценными камнями. Когда высаживался на берег, в районе Джидды, то был достигнут кораблями Сайф ал-Ислама, посланными ему вдогонку. И самое ценное, что у него имелось, преследователям удалось перехватить, пишет Ибн Джубайр. Эмир успел переправить на берег только часть своих сокровищ, с которыми и ушел от погони. Но даже то, «очень небольшое», что у него осталось, «не подлежало счету» (27).

Оставил свой след в истории открытия Аравии вообще и Йемена в частности еврейский путешественник XII века Бен Иона из Тудела (Испания), известный больше как Вениамин Тудельский. В 1160–1173 гг. он объехал многие страны Востока. Делясь сведениями о «Стране благовоний», Вениамин Тудельский рассказал о набегах на уделы племен в Йемене бедуинов аравийской пустыни – для «грабежа и добычи»; и об ответных походах йеменских князей против «людей шатров», то есть кочевников.

Упомянул путешественник в своей «Книге странствий рабби Вениамина» и о больших торговых караванах, уходивших из Йемена в блистательный Багдад с грузами благовоний, ароматов и ювелирных изделий.

Ведя речь о широко востребованном у ювелиров Багдада аравийском жемчуге, Вениамин Тудельский, отмечал, что поступал он в столицу 'Аббасидов (правили Халифатом в 750-1258 гг.) как из Йемена, так и из портового города Эль-Катиф, что на северо-восточном побережье Аравийского полуострова. Там в то время проживала специализировавшаяся на торговле жемчугом богатая еврейская коммуна, численностью в пять тысяч человек.

Что касается евреев, жительствовавших в Йемене, то о них, по воспоминаниям Вениамина Тудельского, говорили в племенах Южной Аравии как о «детях Рихавы» (28).

Бывал в землях Йемена (ок. 1294 г.) и описал их великий венецианский путешественник Марко Поло (ок. 1254–1324). В своей «Книге о разнообразии мира» он упоминает, в частности, об Адене и легендарном Зафаре, «городе большом и красивом», одном из самых знатных

городов Южной Аравии. Ежедневно приходило и бросало якорь в «пристанище аденском», сообщает Марко Поло, кораблей купеческих множество, отовсюду и с товарами разными (29).

О владениях султана Адена великий венецианец отзывается как о крае богатом, где «городов и замков много». В Адене, свидетельствует он, регулярно швартовались суда с товарами из Индии. Везли же на них обратно, в земли индийские, «скакунов арабских, дорогих и красивых». От товаров этих купцы имели «прибыль большую», ибо продавали в Индии «коня хорошего за 100 серебряных монет и дороже».

Делясь впечатлениями об «Эшере, местности, что в 400 милях от Адена» (речь идет об Аш-Шихре), Марко Поло извещает, что славилась она тем, что собирали там «много ладана хорошего». И что от «ладана того царю тамошнему был доход большой». Сам царь скупал ладан по цене «до 10 золотых *безантов* за *кантер*» (за меру веса), а продавал его купцам заморским по «40 *безантов* за *кантер*» (*безант* – это тот же солад, золотая византийская монета). Было там еще рыбы в обилии, говорит Марко Поло; и ловили ее круглый год. Большую рыбу местные жители резали на куски, сушили и ели, «как сухари». Мелкой же сушеной рыбой кормили скот свой – баранов, верблюдов и лошадей.

Повествуя о сборе ладана, Марко Поло уведомляет, что «деревья ладаноносные» по размеру небольшие – «с маленькие елки». Что надрезают их ножом, «во многих местах», и что через надрезы эти и «выходит наружу ладан». Собранный жителями тех мест и доставленный на рынки благовоний, ладан расходуется оттуда, с караванами торговыми и с судами купеческими, по всему белу свету.

Об острове Сокотра Марко Поло отзывается как о месте, где, наряду с арабами, жили и христиане, где было много амбры, алоэ и рыбы (30).

Амбра (продукт внутренней секреции кашалотов) широко применялась в прошлом в странах Востока в медицинских целях. Использовали ее и парфюмеры, «мастера ароматов». Добавляя амбру, «придавали им стойкость», как они выражались. Изготавливали из амбры и пользовавшиеся в те времена повышенным спросом ароматизированные свечи. Входила амбра и в набор подарков, что «подносили послы» владык царств Востока монархам Европы.

Сокотра, констатирует Марко Поло, была довольно бойким местом торговли и коммерции. Приставали к этому острову и суда купцов-индусов, шедшие из Индии в Аден, и *самбуки* (парусники) йеменцев и оманцев, возвращавшиеся с товарами из земель Восточной Африки. Часто «стояли там станом» и пираты на своих кораблях разбойничьих после набегов на караваны морские, купеческие; и распродавали богатства, ими награбленные.

Не обошел вниманием земли Йемена в своем знаменитом сочинении «Таквим ал-булдан» («Упорядочение стран») известный арабский историк и географ, сирийский принц Абу-л-Фида' (1273–1331). Рассказал, в частности, о Сокотре и сокотрийском алоэ, пользовавшемся повсюду «особым спросом». Упомянул о чудесном сокотрийском источнике пресной воды, из которого ее непременно набирали все посещавшие остров мореходы. Бытовало поверье, что вода из него «увеличивала ум человека».

Ма'риб, столица блистательного царства Сабейского, сообщает Абу-л-Фида', – это древний город Саба'. Назван так по имени своего основателя – Саба', сына Йашджуба, отцом которого был Й'араб, сын Кахтана (31).

Интересные заметки о землях Йемена принадлежат перу великого арабского купца-путешественника и географа Ибн Баттуты (1304–1377). Во время своего 25-летнего странствования (1325–1350) он побывал в Сирии и в Персии, в Индии и на Цейлоне, в Африке и в Аравии, на Руси и в Золотой Орде. Находясь в землях Йемена (1328), познакомился с «чудесами», то есть с достопримечательностями, городов Сана'а' и Таиз, Аден и Моха. Тогдашний Таиз, город, в его описании, удивительный по архитектуре и живописный по месту расположения, он называл в своих воспоминаниях одним из красивейших мест Востока. Тепло отзывался о гостеприимном правителе Йемена, Султানে Нур ад-Дине, который подарил ему – в знак

благодарности за рассказы о «странах и диковинах мира» – лошадь чистокровной арабской породы. Посетил Ибн Баттута и Зафар, где лицезрел «великолепную растительность». Упомянул, в частности, о произраставшем там растении, листья которого любили жевать местные жители (речь идет о кате).

Передвигаясь из Джидды в Южную Аравию, Ибн Баттута шел по Красному морю на *джалабе* (тип местного парусного судна). Отметил наличие в этом море множества подводных рифов. Старший на корабле, *ар-руббан* (капитан-лоцман), как вспоминал путешественник, неотлучно находился на носу судна и указывал «моряку у руля» на «подводные камни», то есть на рифы в речи арабов-море-ходов, появившиеся, то и дело, на пути следования судна.

Посылал с разведывательной миссией в Йемен, в «колыбель арабов», свое доверенное лицо, доминиканца Гийома Адама, Папа Римский Иоанн III. Известно, что папский легат десять лет прожил в Адене (1313–1324) и девять месяцев провел у христиан на острове Сокотра. Несколько раз посещал Абиссинию. Часто и подолгу гостил у купцов Ормуза. Был хорошо осведомлен о правителях йеменских княжеств, крупнейших рынках и богатейших коммерсантах края, владельцах судов и мореходах, «королях торговли жемчугом», благовониями и ароматами. Раздобыл у йеменских лоцманов и скопировал карты морских маршрутов в Восточную Африку. По возвращении на родину жил при папском дворе. Числился тайным советником Ватикана «по вопросам персов и аравийцев».

В XV веке, во время своего 25-летнего путешествия по странам Востока (1419–1444), Аден и Сокотру, посетил венецианский купец Николо Конти. Он хорошо знал арабский и персидский языки. Принял, проживая на Востоке, ислам. Возвратившись на родину, ездил в Ватикан – за отпущением грехов. Святой отец, к которому купец обратился с этой просьбой, очень любил напитки с корицей. Узнав, что Николо хорошо осведомлен о местах сбора корицы, и что ему известно, через какие порты в Южной Аравии корица поступает на рынки Европы, грехи негоцианту-путешественнику отпустил. При этом взял с Николы слово, что он продиктует свои путевые наблюдения, и как можно полно, Джанфренческо Поджо Браччиолини, секретарю папы Евгения IV. Так и появились на свет рассказы Конти о его увлекательном путешествии на Восток («Четыре книги истории об изменчивости судьбы»).

Яркие воспоминания о Йемене XVI столетия оставил Лодовико ди Вартема (ум. 1517), итальянский путешественник-авантюрист. Делясь впечатлениями об «Аравии Счастливой», ди Вартема рассказывает о пышной охране султана Адена, «состоявшей из абиссинцев»; о «сумасшедшем сыне» правителя Сана'а, «питавшегося человеческим мясом»; и о султанине Эль-Макраны, в «дворцовой сокровищнице которого хранилось столько золота, что перевезти его смогли бы только сто верблюдов». Описывает Таиз, Забид и Дамар, древние города Йемена, с их неповторимым колоритом улиц, строений и рынков. Отмечает, что Сана'а «изобиловала садами и виноградниками» и была защищена мощными стенами; что в Таизе «в избытке» делали розовую воду; что Забид славился своими сладостями и пряностями. Повествует ди Вартема и о торговле аравийским жемчугом на рынках Прибрежного Йемена, товаром, по его выражению, «повсюду в мире чрезвычайно востребованном».

Ведя речь об Адене, где он побывал в 1503 г., ди Вартема упоминает, в частности, о «весь день не спадавшей там страшной жаре», вынуждавшей жителей города ходить на рынок исключительно по вечерам, после захода солнца. Сообщает о практиковавшемся в Адене, довольно оригинальном, на его взгляд, способе взимания таможенных и портовых сборов с торговцев и судовладельцев. Как только судно заходило в порт и бросало якорь, пишет он, на него сразу же наведывались офицеры таможенной службы султана. «Внимательно ознакомившись со списком товаров и осведомившись о численности экипажа», снимали парус и руль, дабы судно не вышло в море, «не сделав надлежащие платежи в казну султана» (32).

В Адене Лодовико чуть было не казнили, заподозрив в нем лазутчика-чужеземца. Смерти удалось избежать чудом, – благодаря содействию жены султана, опекавшей Лодовико и доставшей ему пропуск на выход из тюрьмы в город, чем он и не преминул воспользоваться.

Благодаря путевым заметкам ди Вартемы, сохранились сведения о так называемых йеменских мамлюках, гвардейцах личной охраны владык княжеств Южного Йемена, формировавшихся в основном из эфиопов. Покупали их на невольничьих рынках, в возрасте восьми лет. Обучали военному ремеслу, в том числе верховой езде на верблюдах и лошадях, стрельбе из лука и искусству рукопашного боя. Отличная военная подготовка, отменное для тех времен содержание и разного рода привилегии, которыми пользовались гвардейцы, делали их надежной защитой и опорой местных правителей.

Интересные воспоминания о Йемене XVIII столетия принадлежат перу Карстена Нибура (1723–1815), великого исследователя «колыбели арабов». Немецкий ученый, состоявший на датской службе, математик по образованию, он оставил яркий след в истории открытия Йемена как путешественник и картограф, как автор первого географического описания Йемена и первой карты восточной части Красного моря. Аравийская научная экспедиция, которую возглавлял К. Нибур, проходила под патронажем короля Дании Фердинанда V. Ее маршрут пролегал из Джидды по Красному морю к побережью Тихамы. Оттуда, через Бейт-эль-Факих, центр племени *ал-зараник*, и Ходейду, путешественники направились в Таиз. Не имея разрешения на проезд в г. Сана'а', К. Нибур и его команда вынуждены были проследовать в Моху. Дождавшись там позволения посетить Сана'а', они через Таиз и Дамар прибыли, наконец, в этот древний, окутанный легендами город (на данном отрезке пути умерли два члена экспедиции). После недолгого пребывания в Сана'а' группа К. Нибура возвратилась в Моху. И оттуда, после 10 месяцев нахождения в Йемене, отбыла в Бомбей. По пути следования скончались еще два участника экспедиции; в живых остался только К. Нибур.

В Джидде, где началась аравийская экспедиция группы К. Нибура, исследователи провели шесть недель. Затем по Красному морю добрались до побережья Йемена. Губернатор того места, где они высадились, встретил их приветливо. Слух об «искусном врачевателе» экспедиции, оказывавшем к тому же бесплатные медицинские услуги, быстро разнесся по всей округе. Сам губернатор, раб в прошлом, освобожденный из неволи имамом и пожалованный саном, обратился к врачу с просьбой уделить ему один день.

И тут произошел курьезный случай. В назначенный день и час к дому врача подвели лошадь. Члены экспедиции решили, что подали ее для того, чтобы с почетом доставить доктора во дворец губернатора. Оказалось, однако, что лошадь, стоявшая у ворот дома, и была «пациентом». Губернатор полагал, что раз врач лечит людей, то с болезнью его любимой лошади справится и подавно. Выручил прибывший вместе с экспедицией слуга-швед. У себя на родине он одно время работал на конюшнях, и, как выяснилось, был неплохим ветеринаром-самоучкой. И лошадь, благодаря его стараниям, поправилась (32*).

20 февраля 1763 г. экспедиция выдвинулась в Бейт-эль-Факих, что неподалеку от «кофейных гор» Йемена. Во время перехода через Тихаму участники экспедиции останавливались на отдых в «кофейных домах». Находясь в Бейт-эль-Факихе, где экспедицию радушно принял один местный торговец и даже снял для них дом, К. Нибур совершил поездки в портовый город Эль-Худайду (Ходейду) и в древний Забид, один из блистательных «центров знаний» Аравии прошлого, известный своими богословами и знаменитым на весь Восток мусульманским университетом. В Забиде, основанном ок. 820 г., насчитывалось тогда более 200 мечетей и множество коранических школ. Жил там и работал одно время видный филолог Мухаммад ал-Хусейни ал-Муртада аз-Зубейди (1732–1791), автор знаменитого словаря «Тадж ал-'арус» («Венец невесты»).

Делясь впечатлениями о плантациях знаменитого йеменского кофе, разбитых в форме террас на горах неподалеку от Бейт-эль-Факиха, К. Нибур отмечал, что в то время, когда он там

находился, кофейные кусты цвели; и аромат, шедший от них, витал по склонам гор. Плантации кофе йеменцы орошали дождевыми водами. Собирали их в огромные каменные резервуары, обустроенные на вершинах гор.

Повествуя о жителях тех мест, К. Нибур рассказывал, что женщины-йеменки в горах пользовались большей свободой, чем в населенных пунктах, располагавшихся в долинах. С чужеземцами, к примеру, разговаривали открыто и свободно, и лиц своих не скрывали. Поскольку воздух в горах становился по ночам прохладным, то спали йеменцы-горцы, по его словам, в плотных полотняных мешках, укрывшись в них с головой; и «дыханием своим согревали тела».

Подробно описав «Аравию кофейную» и другие земли Йемена, К. Нибур поведал о легендарной Мохе, некогда мировой «столице кофе». Поделится впечатлениями о Таизе, городе, по его выражению, «красивом и знатном», обнесенном стеной, высотой от 16 до 30 футов, с башнями по углам. Склоны гор, лежавших вокруг Таиза, замечает К. Нибур, были покрыты «густой и пышной растительностью». Там «паслись лани и гнездились певчие птицы». Йеменцы полагают, что на горах, что окружали Таиз, произрастали все виды растений и деревьев, которые можно было встретить на земле.

Рассказал К. Нибур в своих заметках и о располагавшейся в Таизе гробнице Исма'ила Малика, одного из легендарных эмиров Таиза, прославившегося щедростью и гостеприимством. Согласно преданию, слышанному К. Нибуrom от таизцев, двое нищих остановились однажды у ворот дворца, где жил в свое время Исма'ил Малик, и попросили милостыню. Но почему-то только один из них «удостоился щедрот правителя». Тогда другой нищий, не облагодетельствованный эмиром, проследовал к гробнице Исма'ила Малика. Войдя в храм, где она располагалась, и, приблизившись к гробнице, воззвал о помощи. И тогда гробница вдруг открылась, и из нее показалась рука с зажатым в ней письмом. В нем говорилось о том, как сообщил нищему, прочтя письмо, настоятель храма, что подателю письма сего надлежит выплатить сто золотых монет. Эмир, правивший в то время Таизом, один из потомков Исма'ила Малика, внимательно ознакомился с текстом переданного ему «чудного письма». Подтвердил, что писано оно, судя по почерку, действительно, его великим предком. Более того, скреплено личной печатью Исма'ила Малика. Поэтому сто монет нищему страннику велел тотчас же выдать. Но тут же распорядился оградить гробницу стеной, – дабы не искушать других нищих поступать так же (33).

О Дамаре, где К. Нибур побывал по пути в Сана'а', он отзывался как о городе «крупном и богатом», где разводили одних из лучших в Южной Аравии лошадей чистой арабской породы. К иноземцам жители Дамара относились, по его словам, настороженно. И причиной тому – наличие рядом с городом шахты по добыче серы и горы с обнаруженными в ней богатыми залежами сердолика (популярный на Арабском Востоке камень, использовавшийся ювелирами для изготовления талисманов-оберегов).

Прибыв в Сана'а', К. Нибур и члены его экспедиции два дня дожидались разрешения на то, чтобы войти в город. Разместившись под навесом, прямо у въездных ворот, наблюдали за торговыми караванами, приходившими из Наджрана и Адена. Город Сана'а', сообщает К. Нибур, лежит у подножья горы, на вершине которой видны развалины замка, возведенного, по преданиям, чуть ли ни самим Симом, сыном Ноя. Город застроен пестрыми многоэтажными домами, высотой свыше 30 метров, и роскошными дворцами; богат садами. Вода в них поступает из расположенных в горах дождевых водосборников, по проложенным под землей водоводам. Имеются общественные бани (числом двенадцать). В округе много виноградников (К. Нибур насчитал 20 сортов винограда).

Немалый интерес представляют заметки К. Нибура о встрече их группы с имамом Йемена. Проходила она, рассказывает путешественник, в огромном зале, посреди которого находился бассейн с фонтанами, выбрасывавшими воду на высоту 14 футов (более четырех

метров). Имам восседал на троне, с подобранными под себя, «на восточный манер», ногами. Его халат, светло-зеленого цвета и с широкими рукавами, был прошит по обеим сторонам груди золотым галуном. Голову венчал огромный белый тюрбан. Возле трона, по правую руку от имама, сидели его сыновья, а по левую – братья. Скамью у ступеней трона занимал *визирь* (высший сановник).

Путешественнику дозволено было приблизиться к имаму и поцеловать его руку; притом как тыльную сторону, так и ладонь. Касаться губами ладони владыки, как объяснили потом К. Нибуру, чужеземцам разрешалось нечасто. Это считалось знаком-проявлением особого внимания со стороны правителя к человеку, с которым он встречался. Действие сие сопровождалось громким возгласом церемониймейстера: «Господь, храни имама!». Вслед за ним слова эти тут же повторили и все присутствовавшие на встрече лица из числа подданных имама.

По окончании встречи каждому члену экспедиции имам вручил в подарок по маленькому кошельку с 99 монетами; на некоторых из них имелось изображение короны. Перед отъездом путешественников из города имам сделал им еще один подарок – одарил каждого комплектом дорогой национальной одежды. Кроме того, К. Нибуру передали письмо имама, адресованное шейху портового города Моха, с указанием выплатить заморским гостям по 200 монет – в качестве «прощального гостинца» владыки.

Одной из самых запоминающихся сцен повседневной жизни г. Сана'а' Карстен Нибур называет пятничные посещения имамом соборной мечети города. В 1763 г. он наблюдал за церемониалом возвращения имама из мечети во дворец после пятничной молитвы. В своем «Описании Аравии» отмечал, что подобного зрелища он никогда и нигде прежде не видел. Имама, облаченного в парадные одежды, сопровождала огромная свита. Она включала в себя всех принцев, не менее 600 знатных и богатых людей города, а также военных и гражданских чиновников городской администрации. По обеим сторонам имама, «справа и слева от него», шли «богато убранные гвардейцы». На верхушках древков знамен, которые они держали в руках, имелись небольшие деревянные сундучки. В них, как поведали К. Нибуру горожане, хранились амулеты, обладавшие силой даровать имаму, во что он свято верил, силу и богатство, процветание и непобедимость. Позади имама и принцев следовали слуги с огромными раскрытыми зонтами, защищавшими членов королевского семейства от солнца. По бокам пышной процессии и сзади нее двигались всадники, «беспрестанно паля из ружей в воздух».

Гарем имама, к слову, насчитывал 400 абиссинских наложниц; дворцовая охрана состояла из 300 гвардейцев.

Йемен тех лет, пишет К. Нибур, представлял собой пеструю мозаику восточных княжеств, этакий музей под открытым небом с хранящимся в нем богатым собранием оригинальных по форме и неповторимых по красоте архитектурных творений одного из древнейших на земле народов.

Поведал К. Нибур и о «многочисленной еврейской колонии» в Йемене. Рассказал о «двухтысячной еврейской коммуне» в г. Сана'а', представленной в основном золотых и серебряных дел мастерами. Проживая к тому времени в Йемене на протяжении уже более двух тысяч лет, евреи, свидетельствует К. Нибур, «твердо держались своей веры». Одним из центров еврейской оседлости в Йемене, говорит он, был тогда город Танаим, что в княжестве Хаулан.

Повествуя о евреях Йемена, К. Нибур упомянул и том, что иудеям, проживавшим в Мохе, славившимся, кстати, своими золотых дел мастерами, не дозволялось носить тюрбан, то есть чалму, иметь при себе оружие и ездить верхом. Вместе с тем, пишет он, в еврейском квартале Мохи открыто действовала синагога (34).

Рассказал К. Нибур и о «замечательном обычае йеменцев», какого, по его выражению, «было не найти» ни у одного из европейских народов, – о готовности помочь иностранцам, изъявлявшим желание выучить язык арабов, «язык Адама и Хаввы» (Евы). При этом йеменцы, замечает К. Нибур, никогда не насмехались над тем, как чужеземцы разговаривали на мест-

ном языке, зачастую коверкая слова и корежа речь арабов. Напротив, всячески поощряли их стремление к тому, чтобы «познать» язык арабов, и с его помощью понять их обычаи и нравы.

Тепло отзывается К. Нибур о гостеприимстве йеменцев и «высоко чтимой ими в чужестранцах» искренности. Передвигаться по их стране, говорит К. Нибур, по крайней мере, по землям, «контролируемым имамом санским», можно было «также свободно и столь же безопасно, как и по Европе». К иностранцам, «представителям народов чужих земель», как их называли йеменцы, с «миром странствовавших» по их краям, они относились подчеркнуто учтиво.

К. Нибур с головой погрузился в повседневную жизнь йеменцев, в их быт и культуру. Его «Описание Аравии» представляет собой интереснейший калейдоскоп сведений о городах и рынках Аравии, обычаях и нравах жителей «Острова арабов», в том числе Йемена. Шейхов племен этих земель К. Нибур справедливо величает «истинными властелинами». Владения их, отмечает он, были закрыты только для тех, «кто являлся к ним с дурными намерениями». Тех же, кто приходил к ним с миром, для того, чтобы поторговать или «поделиться знаниями», они привечали и принимали сердечно. Именно так, по словам К. Нибура, обошелся с ним и с членами его группы имам Йемена. Властвовал он в землях своих «по уму и по совести». Бразды правления держал в руках крепко. Изображение его лица, по воспоминаниям К. Нибура, с указанием носимого им титула – имама, повелителя мусульман Йемена, – имелось на нескольких ходивших тогда в стране серебряных монетах.

«Описание Аравии» – это увлекательное путешествие в Моху и Бейт-эль-Факих, некогда кофейные центры мира, с их неповторимым колоритом и ароматом кофейных ярмарок и базаров. Это – познавательная историко-этнографическая экскурсия в давно ушедший в легенды древний город ‘Азал, на месте которого возник впоследствии г. Сана’а’.

На страницах записок К. Нибура о Йемене, посвященных истории этой страны, есть интересное упоминание о происхождении титула древних йеменских правителей – *Тубба*. Носили его, будто бы, только те из них, родословная которых восходила к принцу, рожденному в Самарканде.

В племенах Йемена бытует предание, что один из могущественных владык Древнего Йемена дошел с войском своим до стен нынешнего Самарканда, овладел стоявшим там укрепленным поселением, отстроил на его месте город и «приобрел потомство». И когда наследник его, рожденный в Самарканде, возвратился на родину отца, в Йемен, и «установил там власть свою», то стал величать себя *Тубба* / то есть тем, кто «вершит закон и порядок». Правил он по уму, трезво и мудро. И народ нарек его «фараоном йеменским» (35).

Весомое место в списке исследователей-портретистов Йемена принадлежит Ульриху Гаспару Зеетцену (1767–1811), всемирно известному немецкому путешественнику-ориенталисту. Он видел и описал «Моху кофейную», «Ходейду корабельную», «Аден торговый» и «Сана’а’ дворцовый» (36). Передвигался У. Зеетцен по Аравии, выдавая себя за мусульманина-паломника, Хаджи Мусу ал-Ха-кима. Делясь впечатлениями о Бейт-эль-Факихе, куда купцы со всех сторон света съезжались в прошлом для закупок «бобов Моха» (кофейных зерен), путешественник констатирует, что ко времени его появления в этом городе, он уже утратил свою былую славу, и предстал перед его взором «страшно разрушенным». В Забиде, одном из крупных некогда центров просвещения Аравии, хотя и «лишившегося своего бывшего великолепия», но все еще известного своими «мужами учеными», он присутствовал на диспутах богословов в местном мусульманском университете.

По пути следования из Сана’а’ в Аден Зеетцен побывал в Зафаре, столице древнего Химйаритского царства, где обнаружил и скопировал древние надписи. При содействии купцов, закупавших кофе в Мохе, переслал их в Европу. Зеетцен обладал феноменальным чутьем исследователя-первооткрывателя, исключительной памятью и талантом рассказчика. Древнейшая на земле письменность, *химйаритская*, окутанная паутиной времени, дошла до нас бла-

годаря любознательности, усилиям и отваге Ульриха Гаспара Зеетцена, состоявшего, к слову, на русской службе, в звании «conseiller сTamassede». Его путешествие в Аравию субсидировал Александр I, император России.

Величайший исследователь-портретист Йемена ушел из жизни трагически – погиб по пути из Мохи в Сана'а' (сентябрь 1811 г.). Был убит в двух переходах от Мохи. Как это произошло, незнамо-неведомо точно и поныне. К смерти его был причастен то ли правитель одного из существовавших тогда на территории Йемена княжеств, то ли сам имам, верховный властелин Йемена. Драгоценности, найденные, будто бы, Зеетценом в Ма'рибе, как гласила людская молва, в багаже путешественника не обнаружили. Но вот путевые заметки его бесследно исчезли (37).

Интересная информация о Йемене содержится в очерках Поля-Эмиля Ботта (1802–1870), известного французского путешественника, дипломата и археолога. Высадившись на берег в Ходейде (сентябрь 1836 г.), он проследовал через Тихаму в Таиз. «Знакомство с одним из шейхов местных племен», как отмечал Ботта, позволило ему не только быстро и беспрепятственно передвигаться по тамошним землям, но и обстоятельно познакомиться с гаванями Аравийского побережья Красного моря. В своем «Описании Аравии», изданном в Париже в 1844 г., он одним из первых, пожалуй, путешественников-европейцев, поведал миру о кате, легком наркотическом растении. Упомянул, конечно же, и о йеменском кофе.

Первые ветви с листьями ката обрывают с посаженных в тех местах кустарников, сообщает Ботта, только через три года. «Продают пучками». Сбор этот именуют «катом перволетним» или «катом ранним». Он считается у йеменцев «низшим», то есть худшим по качеству. На следующий год, когда ветви кустарника дают новые побеги, их опять срезают, но вот пускают в продажу под маркой «*кат ас-сани*» («кат двухлетний»). Это уже – высший сорт. После снятия второго урожая листья кустарника в течение трех последующих лет не обрывают. Затем все повторяется сначала.

Кат в Йемене – товар повышенного внутреннего спроса. Торговля им – намного выгоднее, чем сделки с кофе. Обычай жителей тех мест требует, чтобы хозяин жилища непременно «угощал катом тех, кто его навещает». Самый лучший и ценный кат выращивают в Йемене на склонах горы Сибур, близ Таиза. Оттуда его вывозят в Ходейду и в Сана'а' – пучками, завернутыми в траву, чтобы «уберечь свежесть», как выражаются йеменцы.

Дома свои, походившие на крепости, жители йеменских гор строили так, рассказывает Ботта, что «проникнуть в них можно было только через подвалы и подземные проходы». По своему внешнему виду жители гор, с его слов, разительно отличались от обитателей побережья. Население Горного Йемена было «белоликим», а женщины – «поразительно красивыми». И в этом легко можно было убедиться, так как лиц своих они не скрывали. Говорили горцы на чистом арабском языке. В Тихаме же, где коренное население, по наблюдениям Ботта, «перемешалось с африканцами», теми же абиссинцами и сомалийцами, язык их настолько наполнился заимствованиями, что его не понимали, порой, даже сами йеменцы (38).

Поль-Эмиль Ботта служил французским консулом в Александрии (1836) и в Мосуле (1842), занимал должность дипломатического представителя в Иерусалиме и в Триполи. Много путешествовал. Прославился исследованиями давно ушедших в легенды блистательных царств Месопотамии. Оставил заметный след в археологии: обнаружил развалины дворца ассирийского царя-воителя Саргона II (722–705 до н. э.).

Из донесений французских и английских дипломатов известно, что к началу XX столетия в Мохе, некогда крупном морском порте Красноморского побережья Аравии, который европейские купцы и мореплаватели, по словам Ботта, называли «воротами Аравии кофейной», насчитывалось уже «не более 20 выживших во времени каменных домов». Самый красивый из них принадлежал господину Бенцони, итальянскому консулу. Сохранились цитадель с десятью

старыми пушками, да знаменитый маяк в море, «похожий по форме на минарет, с 280 ведущими вверх ступенями».

Что касается вывоза кофе, то объемы его резко сократились уже к концу XIX столетия. В 1884 г., к примеру, он составил всего лишь 80 тыс. фунтов стерлингов (39).

Увлекательные воспоминания о Марибе и Хадрамауте оставил французский офицер Луи дю Куре (1812–1867), состоявший на службе в армии египетского паши Мухаммада 'Али (1769–1849). В 1844–1845 гг. он предпринял путешествие в Йемен и Оман. Какое-то время пробыл в г. Сана'а'. Оттуда, с караваном в «350 верблюдов и двумястами восьмьюдесятью мужчинами, включая 150 рабов», проследовал в Ма'риб, в земли Белой Саба', как именовали в прошлом располагавшееся в тех землях блистательное царство Древнего Йемена народы «Острова арабов». После Ма'риба Луи дю Куре побывал в Хадрамауте и Сухаре. Приняв ислам и взяв имя 'Абд ал-Хамид, посетил Мекку. В своих увлекательных записках «Счастливая Аравия» и «Паломничество в Мекку», которые, будто бы, редактировал Александр Дюма, он ярко описал традиции арабов Аравии, а в книге «Жизнь в пустыне» – быт и нравы бедуинов.

Шейх Ма'риба, сообщает Луи дю Куре, называл себя потомком рода Абу Талиба, дяди Пророка Мухаммада. Под властью его состояли «50 небольших деревень». Замок владыки Ма'риба представлял собой «большую, хорошо укрепленную башню». На первом ее этаже размещалась охрана, на втором жительствоваали слуги. Третий этаж занимало семейство шейха, а на самом верхнем, четвертом этаже, находился *диван* (канцелярия). Углы и стены этого помещения украшало оружие: шлемы, боевые топоры, колчаны со стрелами, обоюдоострые мечи, седла и сбруя для лошадей и верблюдов. Эмира Ма'риба во время его встречи с Луи дю Куре и *раисом* (начальником) каравана, с которым путешественник передвигался по землям Йемена, окружала большая свита, человек 50, не меньше. Все, как на подбор, – «мужчины рослые и крепкие», «типичные арабы Южной Аравии». «Старшие среди них по возрасту» были вооружены мушкетами и длинными обоюдоострыми мечами. Те же, «кто помоложе», имели при себе боевые топоры и обтянутые кожей деревянные щиты. За поясом у каждого из них торчал кривой аравийский кинжал *джамбия* (*джамбийя*). Складывалось впечатление, пишет Луи дю Куре, что все представшее перед его глазами в Ма'рибе, и замок правителя, и церемониал аудиенции, – это волшебным образом ожившая картина повседневной жизни одного из древних царств Аравии, о которых упоминает Библия (40).

После представления Луи эмиру, у него сразу же поинтересовались, кто он и зачем пожаловал в земли Ма'риба. При этом недвусмысленно дали понять, что говорить надлежит правду и только правду; что «ложь у них карается смертью». Луи ответил, что путешествует по Йемену, краю ушедших в легенды царств и народов Древнего мира, дабы воочию узреть «чудеса прошлого», в том числе Ма'риб, символ величия и могущества Древнего Йемена. Тут же, однако, его спросили: «Зачем все это ему нужно?». Ответ на этот вопрос, парировал нерастерявшийся Луи, известен одному Аллаху. Как и то, почему одним людям, согласно воле Аллаха, по душе шум, а другим – тишина, одним – «хождение по лицу земли», а другим – уединенность и одиночество. Мне же лично, заключил он, как человеку, принявшему ислам, захотелось побывать в Аравии, в землях «колыбели ислама», и полюбоваться великими творениями Аллаха на прародине арабов, в Йемене.

Удивившись такому красивому ответу из уст *франка*, суверен Ма'риба повелел провести, в соответствии с традицией предков, обряд приветствия «чужеземца-златоуста». Заключался он в следующем: Луи, поставленного в центр круга, образованного сидевшими вдоль стен приближенными эмира, раздели. Затем слуги властелина Ма'риба умастили тело Луи ароматизированными маслами, одели в национальные одежды, предварительно опрыскав их духами и окуриив благовониями. После чего последовал церемониал аравийского гостеприимства. Путешественника усадили на ковер, разостланный на полу, рядом с правителем; и щедро угостили

местными деликатесами: мясом, финиками, медом, верблюжьим молоком и, конечно же, знаменитым йеменским кофе (41).

После трапезы, обильной и сытной, последовало широко практиковавшееся в тех землях, по словам Луи, с незапамятных времен, «испытание мужских качеств» гостя-чужестранца. Луи препроводили на крышу замка, подвели к ее краю – и приказали спрыгнуть.

Столь неожиданную команду предварили словами, что если гость не лукавил, и те красивые и восторженные слова, что сказывал он о землях йеменцев, были сущей правдой, то Аллах непременно спасет его. Решив, будь что будет, рассказывает Луи, он шагнул вперед, но слуги рабы эмира, стоявшие рядом, подхватили его под руки.

Однако приключения горемыки-француза в замке владыки Ма'риба на том не закончились. Предстояло новое испытание – дикими животными. Ибо не удалось понять, как выразился правитель, поддалось ли сердце Луи страху во время первого испытания, или нет; оставалось ли оно спокойным, как у истинного мужчины, или «трепетало, как у пугливой куропатки». Толька схватка с дикими животными, молвил эмир, и могла продемонстрировать, как учили предки, твердость духа и решимость человека, его характер и волю, иными словами, – «истинное лицо мужчины».

Это испытание проходило в подземелье замка. Сопроводив туда Луи, гвардейцы эмира вложили в его правую руку саблю, а в левую – кольцо с прикрепленной к нему лампой. Распорядились, чтобы двигался он только прямо, до тех пор, пока не упрется в клетку с пятью пантерами. И чтобы не случилось, назад, ни в коем случае, не оглядывался. Путь к клеткам с дикими животными, повествует Луи, «устилали кости и черепа людей», что, конечно же, «наводило страх и ужас». Добравшись, наконец, до пантер, Луи начал, было, открывать дверцу одной из клеток, но металлическая решетка, неожиданно опустившаяся сверху, отгородила его от хищника (42). Испытание дикими животными храбрый офицер, судя по всему, выдержал с честью.

Вскоре выяснилось, что и это был еще не конец подстерегавших Луи в Ма'рибе неожиданностей и «сюрпризов» – последовало «испытание словом». Местные мудрецы и *кади* (судья) начали задавать ему вопросы, так или иначе связанные с паломничеством в Святые земли ислама. После чего попросили удалиться, и, оставшись наедине, долго совещались. Затем двери открылись, и церемониймейстер пригласил чужеземца проследовать в зал. По сигналу эмира туда сразу же вошел и стражник, неся в руках меч в дорогих ножнах, с рукояткой, инкрустированной драгоценными камнями. Приказав Луи опуститься на колени, владыка Ма'риба подошел к нему, вынул из ножен внесенный меч и передал его человеку, «похожему на палача».

В это самое время дверь в помещение неожиданно распахнулась, и на пороге появился один из провожатых каравана, с которым Луи передвигался по Йемену. Размахивая руками, он стал громко кричать и обличать Луи в том, что иноземец – слуга *Ибнуса* (шайтана). Подтверждением же его словам служит то, что по пути в Ма'риб *франк* взбирался на печально известную в народе гору Шайтана, но почему-то остался жив. Хотя до него, кто бы туда не забредал, будь то человек или животное, то непременно погибал. Поэтому он лично хотел бы расправиться со слугой шайтана, сразив его выстрелом из пистолета. Получив на то разрешение, – выстрелил. Пуля, к счастью, прошла мимо, лишь слегка оцарапав шею Луи. Хладнокровие путешественника произвело на арабов должное впечатление; и шейх, попрощавшись с ним и подарив на память тот самый меч с дорогой рукояткой, которым он намеревался снести ему голову, отпустил, наконец, *франка* с миром (43).

Ма'риб, по воспоминаниям Луи дю Куре, окружала мощная оборонительная стена. В городе насчитывалось около 400 каменных домов и несколько мечетей. Торговые караваны, двигавшиеся через Ма'риб в Сана'а, проходили через Санские ворота (Баб Сана'а), а паломнические, направлявшиеся в Мекку, – через Мекканские (Баб Макка). Большинство населения, численностью около 7–8 тысяч человек, составляли коренные ма'рибцы, потомки *сабейцев*. Проживала в городе и небольшая коммуна торговцев-евреев. О величии Ма'риба времен

блистательной царицы Билкис напоминали лишь руинированный дворец древних владык этого края, да тронутый рукой времени, практически полностью занесенный песками храм, заложенный Билкис, больше известной среди народов мира под именем царицы Савской. Караваны, шедшие через Ма'риб, жители города встречали тепло и радушно. Ведь они приносили им доход, и немалый, останавливаясь на отдых и приобретая у ма'рибцев продукты питания и воду.

Интересные страницы в заметках Луи дю Куре о Йемене посвящены Хадрамауту. Финикийцы, переселившиеся с Бахрейна в земли современного Ливана и избравшие Хадрамаут своим форпостом в Южной Аравии, называли земли этого края Зеленым побережьем, а древнегреческий историк и географ Флавий Арриан – «пристанищем торговцев». *Хадрамаутцы*, которых сами арабы Южной Аравии до сих пор величают *хадрами*, – это потомки древних йеменцев, *кахтанитов*, «арабов чистых» или «арабов вторичных», о которых мы обстоятельно расскажем в следующей части этой книги. Родоначальником их был Хадрама (библейский Дарама), один из 13 сыновей Кахтана (Иоктана), внука Сама (Сима), сына Ноя.

Если у других коренных жителей Аравии, скажем, Хиджаза или Неджда, отмечал Луи дю Куре, глаза в основном темные, то у *хадрамитов* (*хадрамаутцев*) – они голубые. Если у первых шея длинные, то у последних – короткие. *Хадрамиты*, по его словам, отличались «примерным трудолюбием и исключительной честностью», славились своими ремесленниками. Деньги расходовали разумно. Подзаработав, приобретали сначала оружие и верблюда. Затем обзаводились домом. И только потом женились. Обязательно покупали участок земли у дома, и разбивали сад.

Как любой арабиец, *хадрамаутец* питал пристрастие к оружию, сообщает Луи дю Куре. Согласно обычаям предков, «украшая себя оружием», клялся, что выучится искусно владеть им. И постоянно, в течение всей жизни, оттачивал «мастерство обращения с мечом и кинжалом».

Будучи воинственным и хорошо обученным рукопашному бою, *хадрамаутец* обнажал свой меч только в том случае, если подвергался нападению, либо когда в земли его вторгся враг. В обожаемых арабами Аравии набегах (*газу*) на недружественные племена и торговые караваны участвовал неохотно. Если же вступал в схватку, то дрался отчаянно. Отступить, «показать спину» противнику считалось у мужчин Хадрамаута потерей чести и достоинства. Поступить так, говорили они, – значит покрыть себя позором, а «позор – длиннее жизни», так гласит поговорка-завет предков. Правители княжеств Южной Аравии и шейхи племен Хиджаза и Неджда охотно принимали их на службу.

Жены *хадрамаутцев*, вспоминал Луи дю Куре, в соответствии с традицией, уходящей корнями в глубину веков, сопровождали мужей своих в военных походах. Во время сражений не только всячески подбадривали их, будь то выкриками, песнями или стихами, но и часто, с оружием в руках, мужественно сражались бок о бок с ними. Над теми, кто, случалось, перед противником пасовал, вел себя «не как мужчина», – насмехались, едко и громко. Более того, на шерстяные плащ-накидки таких «не мужчин», как они их называли, женщины наносили хной «знаки женского презрения». Убрать «постыдную метку» с плаща могла только поставившая ее женщина. Поэтому мужчины, «испачкавшие свою честь», дабы поскорей освободиться от «женского клейма позора», одежду с которым они обязаны были надевать, входя из дома, буквально рвали в бой.

Хадрамаутца, по наблюдениям Луи дю Куре, отличали среди других «южан Аравии» благородство и честность, скромность и простота в общении, а также искреннее и душевное гостеприимство, как бы богат или беден он ни был. Предсказателям судеб и гадалкам он верил мало. Уповал больше не на амулеты-обереги, а на собственные силы, знания и опыт. Вместе с тем испытывал страх перед джиннами. Отправляясь с торговым караваном в «темноту неизвестности», то есть в «чужие земли», непременно взывал к джиннам с просьбой «не чинить ему в дороге препятствий». Передвигаясь по ночам, избегал тех мест, где, как он знал, была

«пролита кровь». Ибо, согласно чтимому им поверью предков, полагал, что именно там по ночам «пируют джинны, ратники *Иблиса*» (шайтана).

Бедуины Аравии, рассказывает Луи дю Куре, обрушивались на становище соперника или противника неожиданно. Как правило, – на рассвете. И уходили, прихватив с собой домашний скот и верховых животных подвергнувшегося нападению племени, до того, как мужчины этого племени успевали выбраться из заваленных на них шатров и взяться за оружие. *Хадрамаутцы* же, если вступали в схватку с бросавшим им вызов противником, дрались до тех пор, пока не уничтожали его полностью. Руководствовались в бою правилом предков, гласившим, что «дерущийся должен победить или умереть». Поверженных в бою воинов в плен не брали. Тут же, на месте, обезглавливали, дабы имя воина, сражавшегося, но побежденного, осталось в памяти его потомков «не испачканным позором поражения» (44).

Еще одной характерной чертой *хадрамаутцев* было отсутствие у них такого понятия, как пожизненное, «с рождения до смерти», привилегированное место человека в племени. Обычай сохранения такого положения за человеком лишь в силу его принадлежности к тому или иному знатному семейно-родовому клану, стоявшему у основания племени и из которого издревле избирали шейха, у них не действовал. Знатность у *хадрамаутцев*, как и у других арабов-йеменцев, наследовалась, переходила от отца к сыну. Но вот сохранялась за ними, в отличие от других племен, только до тех пор, пока «сын следовал примеру отца». Иными словами, походил на ушедшего из жизни предка, то есть проявлял себя воином доблестным и отважным, и человеком отзывчивым, честным.

Соплеменник, оказывавшийся в беде, забвению у *хадрамаутцев* не предавался. Один на один с невзгодами, наваливавшимися на него, не оставался, и забытый всеми не умирал. Если кто-либо из *хадрамаутцев* попадал в нужду, то его более удачливые соседи помогали ему, чем могли, – одеждой и продуктами. Огороды и сады *хадрамаутцев* для человека, среди них бедствовавшего, были открыты для него, как они выражались, днем и ночью. Он мог свободно посещать их и есть там все, и сколько захочет. Но вот брать что-либо с собой, на вынос, строжайше запрещалось. Бытовало еще одно интересное правило: косточки съеденных фиников надлежало оставлять под деревом, «накормившим человека».

В трудные, неурожайные годы хлеб и финики для неимущих людей *хадрамаутцы* выставляли у порогов своих жилищ, а вот приготовленную на огне пищу приносили в специально отведенные для этого места при мечетях. Существовал обычай, по которому такие люди во время войн обязаны были с оружием в руках защищать дома тех, «кто спасал их от голода и нужды», «проявлял человечность», кормил и одевал в мирное время (45).

Бедность *хадрамаутцы* воспринимали как «временную невзгуду», которая могла подстеречь всякого из них. Принимали ее как «печальную данность судьбы». Отзывчивость по отношению к бедным и обездоленным, не на словах, а на деле, считалась у жителей Хадрамаута проявлением одного из высших достоинств человека, делом богоугодным.

Обыденные нарушения установленных норм и правил жизни, драки на рынках, к примеру, наказывались у *хадрамаутцев* наложением штрафа. Лиц же, замешанных в грабежах и убийствах соплеменников, что случалось крайне редко, предавали смерти – прилюдно обезглавливали или четвертовали. Мелких воришек, пойманных на кражах продуктов на рынках, сначала штрафовали (на десять монет), а затем выставляли на пару дней в «местах позора». Располагались они на центральных площадях. И всякий горожанин, проходивший мимо, имел право оплевать вора. Грабителя, залезавшего в дом, штрафовали и нещадно пороли, прилюдно и на протяжении нескольких дней. Порке подвергали не только в целях наказания, но и для того, чтобы «изгнать» из тела провинившегося человека шайтана, проникшего, дескать, в него и побуждавшего на дела недостойные и поступки грязные. Мужчину, переспавшего с чужой женой, и женщину, уличенную в адюльтере, от племени отлучали. Дом такого мужчины сравнивали с землей. Имущество изымали и передавали на нужды *уммы* (общины). Затем, провезя

«с позором» по улицам города, то есть со связанными руками, лицом к хвосту ослика, выставляли за стены города, навечно.

Была у *хадрамаутицев*, как в свое время и у *карматов*, захвативших в 930 г. Мекку и «пленивших» Черный камень Ка'абы, который они удерживали в течение 21 года, обязательная воинская повинность (начиная с 15 лет). На человека, уклонявшегося от нее, налагали штраф – в сто монет. В каждом населенном пункте, будь то в городе или деревне, формировали группы молодых людей, численностью от 25 до 100 человек. Ежедневно, во второй половине дня, их обучали военному делу: навыкам рукопашного боя, стрельбе из лука и ружья, владению мечом и кинжалом. В течение срока «исполнения воинской повинности» они обязаны были находиться «под рукой» своих шейхов, то есть в зоне доступности, днем и ночью. И по первому же сигналу стражников на сторожевых башнях собираться в установленных местах, чтобы дать отпор подошедшему к городу неприятелю и позволить горожанам предпринять необходимые для обороны меры (46).

Одним из отличительных атрибутов жилищ *хадрамаутицев*, дворцов правителей и домов простых жителей этого края, Луи дю

Куре называет массивные деревянные двери с вырезанными на них *айатами* («стихами») из Корана. Замки, запиравшие их, и ключи от них, тоже мастерили из дерева. Красивыми деревянными решетками «занавешивали» окна и балконы домов.

Главное богатство бедуина Йемена, «жителя шатра», утверждал Луи дю Куре, – не золото и серебро, а верблюды. Лучшую породу верблюдов в Аравии разводили в то время в Омане. Ступенью ниже стоял неджский верблюд.

Сколько людей проживало в Аравии вообще и в Йемене в частности, довольно долго не знал точно никто. Одним из первых свои соображения на этот счет высказал Сэмюэл Цвемер (1867–1952), миссионер американской протестантской церкви. Девять лет он провел на Бахрейне. Дважды бывал в Йемене (1891, 1894). Посещал земли Аш-Шамал, входящие сегодня в состав ОАЭ. Прошел с караваном (1900–1901) от Абу-Даби до Сухара. Перу этого увлеченного Аравией человека принадлежит одна из интереснейших книг об аравийцах – «Аравия: “колыбель ислама”». Так вот, по его подсчетам, в Аравии к началу XX века жительствовало около 11 млн. человек, в том числе в районах, подвластных тогда Турции, – 6 млн. чел. (из них 3,5 млн. чел. – в Хиджазе и 2, 5 млн. чел. – в Йемене) (47).

Численность евреев в Аравии в 1893 г. составляла, по оценке С. Цвемера, 200 тыс. чел. (48). Евреи, жительствовавшие в Йемене, специализировались на тонких ремеслах, в первую очередь ювелирном, а также на торговле и ростовщичестве; занимались (по поручению имама) чеканкой монет. Подвизались, как теперь бы сказали, на кредитовании коммерческих сделок торговцев-йеменцев со странами и народами бассейнов Красного моря, Индийского океана и Персидского залива. Евреи Шибама, к примеру, города, внесенного в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, слыли в Йемене торговцами маститыми. В 1844 г. в их квартале в Шибаме имелись две синагоги с 12 священниками (49).

«Показывать свое богатство», то есть демонстрировать его, будь то одеждой, либо «убранством жен своих», было у них, в отличие от йеменцев, не принято. Свадьбы, вместе с тем, йеменские евреи гуляли пышно и весело. Согласно бытовавшему у них обычаю, за несколько дней до свадебных торжеств родные и подруги невесты начинали заниматься «наведением ее красоты»: удаляли волосы с ног, расписывали хной руки, «до самых предплечий», мыли волосы и намащивали благовониями тело. Обязательно заказывали у ювелиров пряжки-застежки на пояса свадебных платьев, дорогие и массивные, сделанные из серебра, в форме длинных шпилек с кольцами по обоим концам. В качестве свадебных подарков невестам женихи обычно дарили кольца с бриллиантами и ожерелья из кораллов. Думается, что первыми в Аравии ювелирные украшения с бриллиантами стали носить женщины в еврейских общинах Йемена, прежде всего Шибама, тогдашней столицы Хадрамаута, и Тарима (*шибам* и

шарим – имена двух крупных родоплеменных кланов йеменцев, исстари обитавших в тамошних землях) (50).

Крупнейшим предпринимателем среди торговцев-евреев в г. Сана'а' слыл во времена посещения Йемена С. Цвемером иудей Ораки. Хроники тех лет свидетельствуют, что он «пользовался благосклонностью» самого имама, правителя Йемена. Занимал хлебную, как теперь бы сказали, должность в городской администрации – отвечал за деятельность местной таможни и вопросы, связанные с содержанием недвижимой собственности имама, его земельных угодий, домов и садов. Попал в немилость. Оказался в темнице. Заплатил огромный штраф, и вышел на свободу. Но вот одеваться с тех пор должен был, согласно повелению имама, в одежды «закрепленного за иудеями цвета», идентифицировавшего их расу; и на голове носить обязательную для всех них синюю шапочку-ермолку.

Немилость имама в отношении Ораки обернулась невзгодами, и довольно тяжелыми, для еврейской общины Сана'а' в целом. Все синагоги в городе имам повелел разобрать. Дома евреев, «высотой свыше 14 сажень», то есть 2,5 метров, снести; и жилища сверх этой, «установленной для иудеев нормы», впредь не возводить. Каменные емкости для вина, в случае их обнаружения во время обысков, порушить и разбить. За проживание в своих домах, но на землях Йемена, платить специальный налог, в размере 125 монет в месяц. Недвижимую собственность, покидая Йемен, передавать в его личное владение (50*).

Описывая г. Сана'а', С. Цвемер отзывался о нем, как об одном из самых живописных и зеленых мест Аравии. Помимо множества рынков, кварталов артелей ремесленников, 12 общественных бань и госпиталя на 200 коек, город был наполнен уютными кафе. Самым интересным в Сана'а' С. Цвемер считал не роскошные дворцы, окруженные великолепными садами, не величественные развалины древнейших на земле замков-крепостей, возведенных на пиках гор, возвышавшихся над этим живописным городом, а его жителей и «колорит повседневной жизни». Здесь, как нигде в другом месте в Аравии, утверждал С. Цвемер, он видел «необыкновенно яркое смешение рас, языков и одежд» (50**)

Повествуя в своих книгах о других древних городах Йемена, которые он посещал, С. Цвемер писал, что Таиз в конце XIX века являлся центром «культуры ката», откуда этот легкий, широко распространенный в Йемене и сегодня наркотик, поступал в Аден ('Адан) и Ходейду (Эль-Худайду), Сану (Сана'а') и Моху. Управлял Таизом наместник имама. В ведении его находились также два порта на Красном море – Моха и Ходейда. Действовали почта и телеграф. Турецкий гарнизон, расквартированный в Таизе, насчитывал 1300 человек. На местном рынке, «пестром и богатым», имелись лавки греков и евреев, «поселившихся в Таизе давным-давно, в незапамятные времена».

О Таизе, отмечает С. Цвемер, знали в прошлом «все ученые мужи Востока», ибо славился он своей богатой библиотекой с хранившимися в ней прижизненными сочинениями великих арабских историков и географов, мореплавателей и собирателей древности. Неслучайно в Таизе жил и творил одно время великий Мухаммад ибн Йакуб Фирузабади (1329–1415), арабский лексикограф, составитель толкового словаря арабского языка «Ал-Камус ал-Мухит». Сэмюэл Цвемер величает его «Вебстером арабского языка». Ной (Ноя) Вебстер (1758–1843) – это автор американского словаря английского языка (51).

Почти все ремесла в Таизе, по свидетельству С. Цвемера, «находились в руках евреев». В «иудейском квартале», на окраине города, где в 1891–1893 гг. их, по его подсчетам, проживало не менее 7 тыс. чел., действовала синагога (52). В ней имелись древние подсвечники и тексты Священного Писания, попавшие в Йемен вместе с первыми евреями-переселенцами. Помимо Сана'а' и Таиза, Шибама и Тарима, еврейские общины существовали также в Иббе (крупный торговый пункт на караванном пути из Адена в Сана'а') и Дамаре.

Рассказывая о Забиде, еще одном древнем и знатном городе Йемена, С. Цвемер, говорит, что славился он своей исламской академией, где обучались многие именитые *муфтии* (высшие

духовные лица) и *кади* (судьи) Йемена. *Михлаф* (провинция) Забид управлялась «династией эфиопского происхождения» из племени *бану наджах*.

Моха, откуда во все концы света уходили прежде корабли с грузами кофе (отсюда – и широко известное в мире название сорта кофе «мокка»), являлась в период своего расцвета ведущим торговым портом Красного моря и его главной судоверфью. Все дома в этом городе, по воспоминаниям путешественников», обращены были фасадами к морю.

В начале XX столетия, когда часть Йемена все еще находилась под властью турок, впервые появившихся там и захвативших Таиз в 1516 г., в Мохе располагался небольшой турецкий гарнизон, «численностью в 200 человек, с 80 лошадьми и двумя орудиями». Небезынтересным представляется тот факт, что оружие себе солдаты-турки приобретали сами, на собственные деньги. Оклад рядового, как следует из записок С. Цвемера, составлял 2,6 *талера* в месяц.

О Мохе, к слову, в Европе заговорили, когда в Красном море появились португальцы. В 1506 г. португальская флотилия во главе с Тристаном да Кунья и герцогом Афонсу д'Альбукерки захватила Сокотру. Во время второй морской экспедиции к берегам Южной Аравии (1513) великий «конкистадор Востока», легендарный д'Альбукерки, в борьбе с «непокорными маврами Мохи и Адена», пытался привлечь на свою сторону Абиссинию, когда-то «пленившую земли Йемена». Надо сказать, что след, оставленный в Йемене абиссинцами в VI веке, просматривался и в XIX столетии. Должности чиновников в некоторых южных провинциях занимали, по воспоминаниям путешественников, потомки тех абиссинцев, кто во главе с Абрахой ходил из Йемена со слонами на Мекку, а также отпущенные на свободу рабы-абиссинцы. В 1823 г., к примеру, наместником владыки Йемена в Мохе служил абиссинец, бывший раб-слуга имама. Добившись благосклонности своего господина, он получил свободу и «жалован был высоким местом». Вместе с тем, деятельность таких, «выбивавшихся в люди», абиссинцев находилась под пристальным надзором. Так, секретарем-писцом (*катибом*) у наместника-абиссинца в Мохе состоял приставленный к нему доверенный человек имама, его «глаза и уши» в провинции. Судебные разбирательства среди местных жителей вел назначаемый имамом *кади*. Трое этих людей и составляли *диван* Мохи, то есть администрацию провинции.

В самом городе, что тоже небезынтересно, жительствовавали (речь идет о начале XIX столетия) только коренные йеменцы. Иноземцы, к какой бы национальности они не принадлежали, селились, «согласно их ремеслу», в одном из трех кварталов в пригороде Мохи. В первом из них проживали простые рабочие; во втором – торговцы и моряки. Среди последних насчитывалось немало абиссинцев и сомалийцев. И тех, и других йеменцы называли *сомалисами*. Третий квартал населяли евреи, приторговывавшие, со слов путешественников, алкоголем, скрытно, из-под полы. Даже в 70-е годы XX столетия, и автор этой книги тому свидетель, алкоголь в Йемен, в страну со строгими мусульманскими порядками и правилами жизни, все также нелегально ввозили через прибрежные села у Мохи, морем. Доставляли его туда потомственные контрабандисты Красного моря, деревни которых с незапамятных времен располагались на побережье Сомали и Эфиопии.

В турецких владениях в Йемене, стране, известной своей древней культурой, школами, библиотеками и одной из древнейших на земле письменностью, свидетельствует С. Цвемер, существовал при турках дикий для йеменцев закон, запрещавший ввозить книги. Столкнувшись с трудностями, связанными с этим законом, С. Цвемер в целях их урегулирования обращался за помощью к самому губернатору Таиза. И даже тогда, когда разрешение на ввоз книг получил, мытарства его на этом не закончились. Дело в том, что таможенники не знали, какую пошлину им надлежит взимать. Ведь никаких разъяснений и предписаний на этот счет не последовало. После долгих раздумий выход все же нашли. В квитанции об уплате таможенной пошлины, выданной на руки С. Цвемеру, значилось, что оплата пошлины, в размере обязательных 7 % на все ввозимые в страну товары (на самом деле она составляла только 3 %), произведена из расчета суммарного веса имевшегося при миссионере груза книг. «За 200 кило-

граммов еврейских книг (так таможенники-йеменцы черным по белому вывели в квитанции категорию груза) на общую сумму в 400 пиастров, при ставке 20 пиастров за килограмм, взыскана пошлина в размере 288 пиастров». Таможенники, как видим, во избежание каких-либо недоразумений с фискальными органами, не только более чем в два раза завысили размер пошлины, но и еще слегка при этом «ошиблись», в свою, конечно же, пользу. Владелец груза, Сэмюэл Цвемер, назван в квитанции «евреем Исмаилом». Позже выяснилось, что такие умо- заключения йеменцев основывались на том, что на ящике с книгами значилось, что доставили его миссионеру из Хеврона; имя же Сэмюэл у арабов – это Исмаил.

Владения свои в Йемене, замечает С. Цвемер, турки-османы держали под неусыпным надзором. Свободно перемещаться по стране иностранцам не позволяли. В города, расположенные внутри страны, пускали крайне неохотно. В Ибб, к примеру, ему пройти вообще не разрешили. Остановили прямо на въезде, у городских ворот, – дабы «не узрел чужестранец», как заявили С. Цвемеру стражники, оборонительных сооружений. Слугу его и вовсе арестовали, обвинив в том, что он, дескать, не только показал чужеземцу дорогу в Ибб, но и назвал населенные пункты, через которые они проезжали (53).

«Маленький йеменский городок Моку [Моху]», известный торговлей кофе, а также рынок пряностей и благовоний в Адене кратко, но ярко описал в своих «Письмах об Индии», посещавший эти края (в 1841 г, по пути в Индию) князь Алексей Дмитриевич Салтыков (106-1859), по прозвищу Индиец. Человеком он был обеспеченным (имел 3500 крестьян во Владимирской губернии) и широко образованным. Служил в Коллегии иностранных дел. Увлекался Востоком. Дружил с поэтом П. А. Вяземским и композитором М. М. Глинкой. В возрасте 34 лет, в чине надворного советника, вышел в отставку, поселился в Париже, и стал путешествовать по миру.

В 1883 г. в йеменских портовых городах Аден и Ходейда высаживался известный русский врач-путешественник Александр Васильевич Елисеев (1858–1895). Рассказывая в своих путевых заметках о рынке в Адене, упомянул о поразившей его, судя по всему, «торговле невольницами». Занимались этим, пишет он, «арабы Красного моря». Одну из хорошеньких рабынь, которую ему предлагали купить арабы, звали Розой пустыни. Была она женщиной невероятно красивой. Мечтала избавиться от рабства и поскорее позабыть о работоторговцах из «арабов моря». Умоляла А. Елисеева «выкупить ее для своего гарема» (54).

Поделился воспоминаниями об Адене и русский инженер, директор Горного департамента Российской империи Константин Аполлонович Скальковский (1843–1906). Поведал, в частности, о посещении им «расчищенных англичанами древних каменных водосборников», а также широко известной среди мореходов портовой кофейни и, конечно же, о знаменитом городском рынке. При входе на этот рынок, отмечает К. Скальковский, оружие у бедуинов, прибывавших туда для торговли скотом, «изымали и складывали у ворот».

Обратил внимание К. Скальковский и на наличие в Адене крупной еврейской колонии, членов которой, «по костюму похожих на арабов», отличали от них «пейсы и свойственная евреям живость в разговорах». Познакомившись с торговлей города, К. Скальковский пришел к мнению, что в руках аденских евреев находилась тогда «значительная часть мелочной торговли». На рынке и на прилегающих к нему узких улочках, тянувшихся к порту, еврей-лоточники, с его слов, «буквально атаковали» попадавших им на пути европейцев «с предложением купить в качестве сувениров перья страусов и марабу». Дело в том, что и страус, и марабу (птица из семейства страусовых), считались в племенах Южной Аравии предвестниками добрых вестей и грядущих хороших изменений в жизни человека.

Ссылаясь на сведения, полученные им от местного агента «Русского Общества Пароходства и Торговли» (РОПиТ), г-на Пирхера, К. Скальковский в своих увлекательных «Путевых впечатлениях» (1873) дает краткую справку о торговле в Адене. «Из местных произведений», согласно содержащейся в ней информации, вывозили тогда, и в довольно значительном

количестве, «только кофе, торговля которым перешла в Аден из Мохи». Среди других товаров, представленных на рынке в Адене, русский инженер называет мед, воск, шерсть, кожи и «гумму из Сенегала», то есть сок сенегальской акации, который применялся в косметике.

Характеризуя таможенную и портовую службы Адена, К. Скальковский высказывается в том плане, что порт этот был известен среди мореплавателей чинимыми там «всяческими поборами».

Аден, пишет К. Скальковский, служил в то время «исходным пунктом» для миссионеров, «преимущественно иезуитов». Оттуда они направлялись в Африку – «для обращения абиссинцев, сомалисов [сомалийцев] и других африканских народов в католицизм» (55).

Бывал в Адене, в 1900 г., по пути из Калькутты в Одессу, выдающийся русский востоковед, офицер российской армии, Андрей Евгеньевич Снесарев (1865–1937). В «аравийской части» его отчета о командировке на Восток он отзывается об Адене как о порте, «идеально, можно сказать, расположенном» на пути русских кораблей, следующих на Дальний Восток через Суэцкий канал и Баб-эль-Мандебский пролив. И прежде всего – с точки зрения обустройства там угольного склада и пункта по техническому обслуживанию судов, военных и торговых. При условии, конечно, резюмирует А. Снесарев, если удастся договориться по этим вопросам с англичанами, удерживающими в своих руках Аден.

Один из интереснейших информационно-справочных материалов о Йемене (датирован 13.01.1910), хранящийся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), принадлежит корреспонденту «Нового времени» А. А. Березовскому (56). В 1909 г. при содействии российского посольства в Константинополе он предпринял путешествие в Йемен.

Йемен или «Аравия Счастливая», как называли эти земли в Древнем мире, отмечает А. Березовский, где «уже более трех тысяч лет тому назад была высокая культура», все еще остается «страной таинственной и мало изученной». Если йеменская пустыня, Тихама, по которой «арабы совершают переходы по ночам», – это край раскаленных, безжизненных песков, то Горный Йемен – это район «никогда не проходящей весны».

Всего несколько дорог, «доступных для ног человека», ведут из Прибрежного Йемена внутрь страны: из Ходейды – в Сана'а', и из Мохи и Адена – в Таиз.

Йеменцы, замечает А. Березовский, утверждают, что в землях их «находят рубины и аметисты». На основании же собственных наблюдений во время путешествия по этому краю с уверенностью могу говорить о наличии в Йемене полудрагоценных камней: агата, сердолика и ляпис-лазуря (лазурита). Встречаются также нефрит, малахит и черный гранит. «Вероятно наличие в Йемене меди, свинца, серебра и железа, а также: в юго-восточной части страны – нефти, а в горах – мела».

В небольшом местечке к востоку от Сана'а' «добывают так называемые йеменские камни, с отложениями в них животных организмов». В восьми часах к югу от Сана'а' находится источник минеральных вод Рада', «куда стекаются ревматики со всего Йемена».

Горный Йемен «покрыт богатой растительностью». Там много плодовых деревьев и кофейных кустов. Местные жители выращивают миндаль, лимоны, *бабайю* (маленькие дыни), виноград и многое другое. Огурцов, что интересно, мало; и йеменцам овощ этот практически не известен.

Лучшие кофейные плантации Йемена – в окрестностях городов Моха и Таиз. «Кофейные уступы-террасы покрывают там склоны всех окрестных гор, придавая им вид гигантских лестниц» (57).

Фауна Йемена – богата и разнообразна. В Йемене водятся «обезьяны, горные козы и бараны, гиены и дикие кабаны, цесарки и куропатки». Сказывают, что в окрестностях Таиза «встречаются даже львы». Очень много «бабочек и змей, скорпионов и тарантулов, горных пауков и ящериц».

Йемен, повествует А. Березовский, «не знает времен года, в особенности осени и зимы с их увяданием зелени, опаданием листьев, непогодами и холодами. В Йемене – вечная весна... Благодаря этому, даже в зимние месяцы во многих местах Йемена можно встретить цветущие миндальные и другие фруктовые деревья».

В Йемене нет «строго определенного времени для посева и жатвы. Когда кто хочет, тогда и сеет. Земледелец собирает урожай до трех раз в год». По словам старожил, «на каждые пять лет приходится три года неурожайных и два – с хорошим урожаем».

Климатические и природные различия между Тихамой и Горным Йеменом сказались и на людях, там проживающих. «Тип, характер, обычаи и нравы... жителей Тихамы и Горного Йемена настолько... разнятся друг от друга, что они представляют собой два совершенно разных, не имеющих между собой ничего общего народа».

Арабы Горного Йемена – «прямые потомки древних обитателей этой земли. Сохранили свой тип почти в неприкосновенной чистоте». Черты лиц у них – «правильные и красивые». Люди они – «смелые, дерзкие и полные достоинства».

Жители Тихамы походят на абиссинцев и суданцев, с которыми они смешались в «глубоко исторические времена».

Йеменцы-горцы наделены «многими способностями». Питают пристрастие к торговле и деньгам. Им присуща «коммерческая сметливость семитов». Выделяются они и «непомерно развитым самолюбием и тщеславием». Врожденное чувство восприятия красоты и изящества у их женщин, к примеру, проявляется в пристрастии к украшениям: браслетам и бусам, ожерельям и амулетам.

У жителя же Тихамы нет ни столь характерных для араба Горного Йемена врожденных способностей, ни «природного ума». «Интеллектуально тихамец чрезвычайно туп, животновластен и животновластен» (58).

Костюм йеменца – это зримый отличительный знак его принадлежности либо к касте «арабов благородных», то есть к «арабам чистым», либо к «люду черному», как они отзываются о йеменцах, смешавшихся с «людьми чужой крови». Представителей «йеменцев благородных» выделяет широкий кожаный пояс (у людей состоятельных он «богато расшит серебряными нитями»), с отделениями для хранения кошелька и табакерки. Но главное – помещенный за ним изогнутый кинжал в форме полумесяца, в серебряной оправе и с рукояткой из рога носорога или из слоновой кости, инкрустированной драгоценными камнями.

Жилище араба-тихамца – это сплетенный из пальмовых листьев шалаш, «внутри обмозванный глиной. Ни окон, ни очага в нем нет. Пища готовится во дворе». Шалаш окружен плетнем, а «небольшой дворик, создаваемый им, служит загонем для скота».

В Горном Йемене дома «строят на труднодоступных вершинах... Возвышаясь над обрывистыми утесами, на высоте орлиных гнезд, дома эти издали напоминают собой средневековые генуэзские башни или замки феодалов. Нижний этаж в них служит помещением для скота».

Арабы-йеменцы – многоженцы. Чем богаче йеменец, «чем больше у него земли и скота», тем больше у него и жен. Горец-йеменец смотрит на свою женщину «либо как на любовницу, если она молода и способна удовлетворить его страсть; либо как на рабыню-работницу», если она состарилась и «угасла».

В обычае у йеменцев – жевание листьев ката. «Кат и нарگیле – неотъемлемая принадлежность каждого йеменского дома». Кат пришел в Йемен из Абиссинии.

Йеменцы известны своим радушием и гостеприимством. «Желая продемонстрировать степень наивысшего к гостю уважения и почтения, йеменец окуривает ковш с водой, подаваемый гостю, дымами ладана».

Среди других интересных обычаев арабов-йеменцев, пишет А. Березовский, можно назвать также «выкрашивание ими в праздник разговения всех домашних животных белой масти – баранов, коров, мулов, лошадей и верблюдов – в ярко красный цвет».

Распространены среди них амулеты-обереги, представляющие собой «небольшие, запянные с обоих концов, серебряные цилиндры» с текстами *айатов* («стихов») из Корана. Мужчина прикрепляет такой оберег к боевому поясу, к которому подвешивает оружие, меч или саблю (59).

Христианин для йеменца не является «существом нечистым, прикосновение которого к правоверному и даже его дыхание оскверняет мусульманина». «И есть, и пить с ним из одной посуды» араб-йеменец будет, и в дом свой впустит, без колебаний и размышлений. «Единственно к кому арабы Йемена питают брезгливость, доходящую до гадливости и презрения, так это к местным евреям».

Йеменцы-сунниты, притом всех, без исключения, толков (*шафииты, ханафиты, ханбалиты* и *маликиты*), «испытывают острую неприязнь к йеменским *ишшам-зейдитам*», арабам Восточного и Северного Йемена.

Турецких султанов *зейдиты* рассматривают «не как халифов, а как узурпаторов, которым должно оказывать неповиновение... Они скорее умрут, чем признают над собой духовную власть турецкого султана», – делится своими соображениями А. Березовский. Поэтому Горный Йемен, где проживает большая часть *йеменцев-зейдитов*, «не успокоится до тех пор», пока Йемен будет оставаться *вилайетом* Османской империи. Чтобы разрешить «йеменский вопрос», резюмирует А. Березовский, ссылаясь на слова, сказанные в беседе с ним итальянским консулом в Ходейде, туркам «надо или раздавить всех *зейдитов*, или согласиться на чисто номинальное господство в этом крае». В глазах йеменских горцев «светская власть имама есть эманация его духовной власти», и ни на какие уступки туркам в данном вопросе они не пойдут.

Среди арабов Йемена, продолжает А. Березовский, особенно среди *зейдитов*, много семейств, «считающих себя потомками Пророка Мухаммада» по линии его внука Хусейна ибн 'Али, второго сына четвертого «праведного» халифа, и Фатимы, дочери Пророка Мухаммада. Люди эти, *саййиды*, как их величают йеменцы, «пользуются среди них большим уважением... От своих персидских и других сородичей они отличаются тем, что носят не зеленую чалму, а обыкновенную. Узнать их среди прочих местных арабов можно по очень широким рукавам одежд» (60).

Рассказывая о местных промыслах, А. Березовский упоминает, в частности, работу дубильных и кожевенных мастерских в окрестностях Ходейды и изготовление масла евреями.

Повествуя о Мохе, он именует этот портовый городок древним рынком кофейной торговли Йемена. По сведениям, собранным А. Березовским, там проживало, когда он путешествовал по Йемену, «около 30 тысяч душ населения», располагавшего «30 тысячами голов крупного рогатого скота и 125 тысячами овец». Кофейные плантации в горных окрестностях, дававшие «весьма крупный доход», находились во «владении шейхов». Местные жители пили «горячую настойку из кофейной шелухи».

Сообщает А. Березовский и о евреях Йемена. Большинство из них проживало на севере и на востоке страны, то есть в землях *зейдитов*, а также в окрестностях Таиза и в 'Амране. В г. Сана'а, например, их насчитывалось 3 000 человек.

«Йеменские евреи, – дает краткую справку А. Березовский, – прямые потомки древних иудеев... Их материнский язык, древнееврейский, с течением времен вытеснил арабский. Но этим и ограничилась ассимиляция евреев с арабами».

До прихода к власти младотурок все евреи в местах их обитания в Йеменском *вилайете* Османской империи «обязаны были носить красный кушак [широкий матерчатый пояс]» – зримую метку иудеев. Теперь этот обычай упразднили, делится своими наблюдениями А. Березовский. Но остались другие, «не менее оскорбительные». Еврей, к примеру, не может передвигаться ни в экипаже, ни верхом на лошади. Поступив так, рискует быть заброшенным камнями.

Живут евреи в резервациях, как правило, – «за городской чертой». «Оставаться в городе после захода солнца» им запрещено. В судах «показания свидетелей-евреев не принимаются... Открывать еврейские школы им не дозволяется... Нет их представителей и в городских советах». Словом, евреи Йемена – люди совершенно бесправные. Турецкие власти в Йемене, хотя сами и «не гнушаются евреями», но по политическим соображениям потакают арабам в их гонениях на евреев (61). «Ни благотворительных обществ, ни общественных касс», которых так много среди евреев в других странах, в Йемене нет и в помине.

В г. Сана'а' с трехтысячным еврейским населением насчитывалось двадцать две синагоги. После прихода к власти младотурок при десяти из них евреям дозволили открыть «нечто вроде начальных школ».

В 1905 г., после взятия арабами г. Сана'а' и изгнания из него турок, когда, как поведали А. Березовскому евреи, были преданы смерти тысячи иудеев, евреи Йемена направили депутацию к Великому еврейскому совету (комитету) в Париж с мольбой о помощи и защите, и с просьбой о присылке им учителей. После этого выезд евреям из Йемена был запрещен, строго-настроено.

Занимались йеменские евреи «исключительно торговлей и ремеслами (преимущественно часовым и ювелирным делом в городах)». Подвизались на контрабанде, притом в «крупных размерах», и изготовлении вина и водки. Продавали хмельные напитки расквартированным в Йемене турецким офицерам и солдатам, тайком, и «наживали на этом большие деньги».

Евреи, как правило, представляли собой людей «высокого роста, очень плотного телосложения, широкоплечих, с красивыми чертами лица... Особенно хороши были их женщины. Большинство из них – прямо-таки поразительной красоты».

Гонения, которым евреи Йемена подвергались со стороны арабов, «превратили их в фанатиков веры и в затворников». Дома йеменских евреев, «окруженные высокими стенами», напоминали собой форты. Чтобы проникнуть туда, требовалось «преодолеть целый ряд препятствий и преград» (62).

Йеменский еврей, пишет А. Березовский, «с длинными пейсами-колокольчиками от висков до плеч», носил короткие штаны и синюю длинную рубаху, «которую снимал, похоже, только тогда, когда она совершенно изнашивалась».

Приводит А. Березовский и некоторые сведения из истории Древнего Йемена (ей будет посвящена отдельная часть этой книги). Отмечает, в частности, что праотцом йеменских племен был Кахтан, потомок Сима, сына Ноя. Кахтан сделался родоначальником кочевых племен, а его брат, Химйар, – оседлых. Химйар, замечает А. Березовский, – это не имя, а прозвище, что значит Красный. И прозвали его *арабы-йемениты*, дескать, так потому, что носил он одежду пурпурного цвета. Саба', сын Кахтана, внук Й'араба, установил власть свою над всеми землями Южной Аравии, «от края до края».

Упоминает А. Березовский и об Ираме, ушедшем в предания и легенды арабов Южной Аравии городе-саде, заложенном Шаддадом, потомком 'Ада, сына 'Уза, рожденного 'Аримом, внуком Ноя. Рассказывает А. Березовский в исторической части его «Описания Йемена» и о царице Билкис, владычице Савской, ее поездке в Иерусалим. Повествует о Ма'рибе с его знаменитой плотинкой и «пролежавшим между гор акведуком в 30 километров длиной». Уделяет несколько слов походам йеменского владыки Шамара в Персию и Афганистан, Индию, Китай и Туркменистан, где он основал в свою честь город Шамар-Канд (Самарканд). Сообщает о гонениях на христиан йеменского царя Зу Нуваса, принявшего иудаизм; о вторжении в Йемен абиссинцев; о возведении Абрахой, абиссинским правителем Йемена, кафедрального христианского собора Калис в г. Сана'а', его осквернении идолопоклонником, и о походе Абрахи со слонами на Мекку. Делится информацией, почерпнутой им из сочинений историков прошлого, об освобождении Йемена от абиссинцев принцем Сайфом ибн Зу Йазаном, одним из потомков царей-*химйаритов*; о годах правления в Йемене персов и о многих других интересных страничках из истории Древнего Йемена (63).

В разделе, посвященном владычеству турок в Йемене, А. Березовский приводит следующие сведения. Косвенной причиной вторжения османов в Йемен, властвовавших в этой стране в течение двух столетий, называет занятие португальцами Маската (1508) и их появление у берегов Адена (1513) и Мохи, тогдашнего центра мировой торговли кофе. В ответ на действия португальцев в Южной Аравии турецкий султан направил в Красное море эскадру кораблей. Так османы «вошли в Йемен, и положили его к ногам султана».

Турки, как следует из справочного материала А. Березовского, всячески притесняли йеменцев, что и вызвало восстание населения (1872). Подавив его, османы двинулись на Сана'а', захватили город и удерживали его в своих руках в течение 30 лет.

В 1904 г. имам *зейдитов* Йахья, «человек недюжинного ума, храбрый и энергичный», как о нем отзывается А. Березовский, осадил г. Сана'а'; расквартированный там двухтысячный турецкий гарнизон сдался. Для того чтобы подавить мятеж и вернуть Сана'а' в свои руки, султан велел отправить в Йемен 20 батальонов. Арабы пропустили османов в город, и затем взяли его в плотное кольцо, «отрезав все пути сообщения». После двух месяцев блокады измученный голодом гарнизон вынужден был сложить оружие. Сана'а' опять перешла в руки имама Йахьи (апрель 1905 г.). Среди захваченных йеменцами военных трофеев оказалось «64 пушки и огромное количество огнестрельных припасов». Сдавшимся туркам позволили покинуть город и проследовать в Ходейду.

Разгром турок, учиненный йеменскими повстанцами, «сильно встревожил Порту». И по распоряжению султана Абдул-Хамида II в Йемен был направлен целый экспедиционный корпус, численностью в сто батальонов, во главе с маршалом Фейзи-пашой. В начале

1906 г. он подошел к Сана'а'. Никакого сопротивления туркам имам не оказал. Причина – уход из города многих племен, отправившихся в свои *дайры* (места обитания), чтобы порадовать родных и близких захваченной ими добычей.

Успех опьянил Фейзи-пашу, пишет А. Березовский; и он решил преследовать имама, и «разорить его горное гнездо в Шахаре», непременно и во что бы то ни стало. Выступив в поход, «не позаботился обеспечить тыловые сообщения». Через 6 месяцев в Сана'а' возвратилась лишь треть отправившегося в поход войска, «не достигнув никакого результата». Остальные были перебиты арабами или умерли от истощения. Орудия и снаряды к ним, брошенные турками, оказались в руках имама (64).

Рассказывая об исследователях-открывателях Йемена, А. Березовский называет:

- итальянца Лодовико ди Вартема, побывавшего на Камаране, в Сана'а', Мохе и в Таизе, где он видел христианский храм, обращенный в мечеть, а также в Забиде и в Адене (1503);
- К. Нибура, посещавшего Йемен в 1762–1763 гг., и описавшего Бейт-эль-Факих и Моху, Таиз, Дамар и Сана'а';
- английского миссионера Стерна, наведывавшегося в Йемен в 1856 г. и оставившего воспоминания о г. Сана'а', «с населением около 40 тысяч жителей, из которых 20 тысяч были мусульманами и 18 тысяч – евреями»;
- француза Ж. Галеви, австрийца Э. Глазера, американского миссионера С. Цвемера;
- Германа Бурхардта, трижды бывавшего в Йемене (в 1902, 1907 и 1909 гг.) и сделавшего интересную серию фотографий о жизни и быте тамошней еврейской общины (в период с декабря 1903 г. и по март 1904 г. он посетил Кувейт и Бахрейн, Катар и Абу-Даби, Дубай и Маскат).

Отдельный раздел «Описания Йемена» посвящен проживавшим в Йемене иностранцам. С учетом того, отмечает А. Березовский, что «вся экспортная и импортная торговля» шла через порт Ходейда, практически все европейцы-коммерсанты, большей частью греки и французы, жительствовавшие в этом городе; там же находились итальянский и английский консульские представители.

Английский вице-консул в Ходейде, врач Ричардсон, часто предпринимал «поездки внутрь страны». Был человеком «весьма образованным»; прекрасно владел арабским языком. Пользовался влиянием среди местного населения. Денежные средства ему доставляли захватившие в Ходейду английские военные суда.

У итальянцев в Ходейде имелось генеральное консульство. Помимо этого, – «сеть нештатных консульских агентов внутри страны, из итальянцев же». О генеральном консуле, г-не Sola, прожившем к тому времени в Йемене уже 6 лет, А. Березовский отзывается как о «человеке работающем», хорошо знавшем Йемен.

У России, к сожалению, указывал А. Березовский, в Ходейде не было никого; хотя и русским «весьма полезно было бы иметь там наблюдение», чтобы располагать точными и оперативными сведениями обо всем происходившем в том крае. При этом в качестве кандидата на пост нашего консульского агента в Ходейде А. Березовский рекомендовал рассматривать «отнюдь не англичанина и не итальянца», ибо эти нации проявляли тогда «наибольшую заинтересованность в делах Йемена». Предлагал привлечь к этой работе или «торговый дом “Леве-рато”, греческую фирму, выполнявшую в Ходейде функции вице-консульства Франции; или торговый дом “Mogice Ries”, бельгийскую фирму, представлявшую консульские интересы России в Адене».

Санитарным врачом на Камаране служил русский. Персонал Управления маяков (4–6 человек) находился в Мохе.

В городе Сана’а’ проживал к тому времени вот уже 20 лет итальянский еврей Капротти. Подвизался на «контрабанде оружия и серебряных *таперов* Марии Терезии». Поддерживал отношения с имамом Йахией; часто с ним встречался. Вел, «в широких масштабах, скупку и перепродажу в Европу разных древностей... Успел составить приличное состояние». Занимался также ростовщицеством – давал арабам деньги «под залог драгоценностей или старинных вещей».

«Загадочной личностью», по словам А. Березовского, был жительствовавший в г. Моха, убитый одновременно с Германом Бурхардтом, итальянец Бензони, «не то нештатный консульский агент или вице-консул Италии, не то авантюрист, занимавшийся контрабандой оружия и серебра, не то провокатор волнений среди арабов против турок».

Во время пребывания А. Березовского в Сана’а’ арабы-старожилы рассказали ему, что «около 35–30 лет тому назад появился в Сана’а’ один русский. Знали о нем только то, что он – врач, и бежал из Сибири. Принял мусульманство. Женился на арабке. Умер бездетным. Оставил у йеменцев добрую по себе память, и как врач, и как хороший человек, отзывчивый и внимательный» (65).

Что касается гибели Бензони (вместе с Германом Бурхардтом, 8 декабря 1909 г., по пути из Мохи в Сана’а’, от рук убийц), то А. Березовский сообщает об этом следующее. Г. Бурхардт «три раза приезжал в Йемен. Последний раз оставался в Сана’а’ в течение двух с лишком лет»; собирал древние артефакты и разыскивал старинные рукописи. О самом же Бензони, бывшем кавалерийском офицере, А. Березовскому говорили, что в Мохе он «вел распутный образ жизни; и что его даже обвиняли в том, что он одновременно находился в любовной связи с несколькими арабскими и турецкими женщинами».

Из заметок А. Березовского следует, что, покидая г. Сана’а’, Г. Бурхардт известил турецкого генерал-губернатора Йемена о том, что намеревался посетить Таиз и Моху. «Благополучно добрался до Таиза». Оттуда отправился в Моху, где к нему присоединился Бензони. «Не доезжая до города Ибб, они свернули к одному небольшому местечку, чтобы осмотреть его древности, где их и убили, в лучшем случае езды от Ибба».

Арабы, с которыми беседовал А. Березовский, сказывали, что на совести «хорошо известной туркам» банды, напавшей на путешественников, числилось к тому времени уже не

одно убийство. Причем именно тех лиц, которые были «почему-то вредны или чем-то мешали» османам.

Йеменцы, пишет А. Березовский, обвиняли в случившемся турок, «желавших избавиться от Бензони», и как можно скоро. Бурхардт же стал при этом «случайной жертвой».

Согласно другой версии, слышанной им в г. Сана'а', рассказывает А. Березовский, имелась среди йеменских арабов группа «организованных националистов», которые, «независимо от имама», хотели освободить страну от турецкого ига. «На службе у этой группы состояла банда под началом сына знаменитого некогда шейха, служившего у покойного имама начальником его войска». Набрана была из отчаянных людей одного из самых воинственных йеменских племен. Смысл убийства двух известных европейцев заключался в том, чтобы «вызвать вмешательство» иностранных держав в дела Йеменского *вилаята* Османской империи (66).

Повествуя о памятниках Древнего Йемена, А. Березовский отмечал, что больше всего он видел их в тех местах, где располагались столицы именитых йеменских царств – Саба', Ма'ина, Катабана и Химйара. Именно там находились развалины величественных некогда дворцов и храмов, и плиты с древними письменами (копии с них сняли Галеви, Глазер и Капротти). Как утверждали йеменские евреи, на некоторых из них будто бы имелись «тексты древнееврейского начертания». Сохранились во времени и установленные там каменные статуи *химйаритов*. Представляли они собой «человека, в сидячем положении, с руками, положенными на колени, либо с обращенными кверху ладонями». А. Березовский, с его слов, видел привезенную из тех мест небольшую камешку, вставленную в кольцо-печатку, с искусно выгравированной на ней «женской головой в царском уборе».

На рынках Йемена, по воспоминаниям А. Березовского, ходило много древних монет, медных, серебряных и золотых; каменной и медной посуды; старинного оружия, боевых поясов и пороховниц; древних книг и манускриптов.

В Таизе, рассказывает А. Березовский, он видел развалины христианских храмов. Следы раннего христианства время сохранило и в г. Сана'а'. Тамашние арабы показывали ему места, где «стояли церкви».

Старожилы в беседах с ним говаривали, что в древних захоронениях в Саба' и Ма'рибе, как гласят сказания их предков, «погребены огромного роста люди, “арабы первородные”, черепа которых вдвое больше, чем у современных людей» (67).

В 1910 г., информирует А. Березовский, *вилает* Йемен во владениях Османской империи в Аравии состоял из трех *санджаков*, то есть административных округов (Сана'а', Таиз, Ходейда), представленных, в свою очередь, 21 *казой* (уездами), разделенных на 63 *нахие* (волости). *Санджак* Сана'а', к примеру, заключал в себе 8 *каз*. После 1908 г., при генерал-губернаторе Хасане Тахсине-паше (1908–1910), статус самостоятельного *санджака* приобрел Асир. Дело в том, что ни телеграфной связи, ни путей сообщения тогда между Асиром и Сана'а' не имелось, и для доставки любого распоряжения в один конец требовалось около 20 дней. Во главе *вилаята* Йемен стоял генерал-губернатор (*вали*); он же являлся и командующим расквартированного в Йемене VII корпуса.

Что касается собственно йеменской системы административного деления, пишет А. Березовский, то «издревле каждая деревня там имела своего выборного старшину (*'акила*). Группа деревень (от 5 до 40) образовывала племенной удел во главе с шейхом. Три-четыре таких удела, населенных племенами, связанными между собой общим для них родовым началом, формировали *узлу* или *михлу*, во главе со старшим шейхом (*машаихом*). В Йемене, по словам А. Березовского, во время его там пребывания насчитывалось «8 159 деревень и 258 племен».

Судопроизводство при турках велось в Йемене в соответствии с нормами *шариата*. При этом действовала «одна непреложная аксиома», как ее называет А. Березовский, а именно: «в споре турка с арабом всегда выигрывал турок, а в деле араба с евреем – араб».

Собственно в племенах суд вершили шейхи – на основании обычаев и традиций (*хукм-эль-кабила*). «За воровство отсекали руку. Женщину, уличенную в прелюбодеянии, зашивали в мешок, вместе с ее соблазнителем, и сбрасывали в пропасть, с самой высокой скалы в округе».

Сохранялся обычай кровной мести. Существовало рабство (68).

В 1909 г. в Йемене, согласно сведениям, собранным А. Березовским, было расквартировано «45 000 турецких военнослужащих: 3 дивизии пехоты, 2 бригады артиллерии и 1 кавалерийский полк». Доходы бюджета Йеменского вилайета за 1908 г. составляли 39 239 600 пиастров, а расходы – 54 960 805 пиастров. Главной статьёй дохода являлась десятинная подать; на нее приходилось 82 % доходной части бюджета (69).

Самыми распространенными болезнями того времени среди жителей Тихамы А. Березовский называет «оспу, глазные заболевания, камни мочевого пузыря и сифилис»; а среди племен Горного Йемена – «сифилис, тиф и чахотку». В больших городах, таких как Сана'а, Ибб и Таиз, замечает А. Березовский, можно было встретить «торговавших собой детей, в возрасте 7–9 лет». Родители порой продавали своих дочерей за ничтожно малую сумму. «Это и привело к тому, что среди арабов Йемена сифилис получил колоссальное распространение». В г. Сана'а «проститутки открыто, среди белого дня», останавливали мужчин и предлагали им себя (70).

Сообщает А. Березовский в своем информационно-справочном материале и о торговле Йемена, в том числе кофе, «главном товаре вывоза» (в 1908 г. – 41 171 мешков на сумму в 458 500 франков). Много кофе, по его словам, уходило из страны контрабандой, минуя таможеню, «до 350 000 лир ежегодно». Транспортировка товаров внутри страны «производилась посредством верблюдов». За доставку груза весом не более 250 килограммов от Ходейды до Сана'а' взимали «от 15 до 20 талеров». За верблюда на рынке просили «от 120 до 150 талеров. Бык или корова стоили от 15 до 30 талеров; овцы и бараны – от 2 до 5 талеров». Самые бедные семьи имели «не менее двух коров и четырех овец; а состоятельные – 15–20 коров».

Процветала контрабанда. Главными контрабандными товарами являлись «ружья и патроны к ним, серебряные талеры, табак и некоторые другие». В 1908 г., отмечает А. Березовский, контрабандисты ввезли в Йемен «серебряной монеты на сумму более чем миллион франков»; большей частью – из Адена. Оружие завозилось в страну «исключительно морским путем – из Джибути и Масауа (в Эритрее), французскими и итальянскими купцами... За ружье системы Гра платили 25 талеров (сотня патронов к нему стоила 10 талеров); за карабин Маузер, 8-зарядный, нового образца, – 50 талеров (за сотню патронов к нему – 12 талеров); за ружье Мартини – 25–30 талеров».

Имелось «мелкое кустарное производство». Медные изделия, к примеру, изготавливали в Сана'а', а хлопчатобумажные материи – в Забиде.

В местах проживания евреев процветало виноделие. «Курили евреи и виноградную водку, приятную на вкус и крепкую».

В Горном Йемене, в землях *зейдитов*, добывали разноцветные камни; отшлифовкой их в г. Сана'а' жил «целый квартал». Камни эти вывозили, и в большом количестве, в Константинополь.

На перекрестках караванных путей располагались рынки. Некоторые из них представляли собой «целые пещерные города». Один раз в две недели туда стекались жители со всех близлежащих окрестностей. Один-два раза в году на самых крупных и именитых рынках устраивали «многолюдные ярмарки»; на них съезжались торговцы из Индии и Персии.

Дорога от Ходейды до Сана'а' занимала «40–45 часов марша»; переход совершали «за 5–6 суток». Часть этого пути, та, что пролегла в горной местности, охранялась. На всех вершинах вдоль горного участка пути размещались дозорно-сторожевые посты, дававшие знать друг другу о движении каравана «особыми звуковыми сигналами», с помощью рожков. «От поста до поста караван сопровождали конвои». Вдоль пути были разбросаны постоянные дворы, где

предлагали «кофейные настойки, арбузы и яйца». В дороге, пишет А. Березовский, довольно часто приходилось давать *бакиши* (взятку): «конвою, жандармам на постоянных дворах и т. д.»; и в общей сложности набиралось их на «приличную сумму» (71).

Йемен, заключает А. Березовский, был разделен, можно сказать, на две части: «западную, или так называемый Турецкий Йемен, и восточную – Страну *зейди* [*зейдитов*]», главой которой являлся имам Йахйа.

Положение турок в Йемене А. Березовский характеризовал как тяжелое, а их господство в Йемене, как чисто номинальное и временное, по его мнению, – до первого всенародного взрыва. Поддерживалось оно исключительно военной силой, которая к тому же была недостаточной. Турки понимали, резюмирует он, что жили «на вулкане» (72).

Йемен 1920-х годов хорошо описал Карим Абдрауфович Хакимов (1892–1938), первый полномочный представитель бывшего СССР в Йеменском королевстве (1929–1931), первый дипломатический агент и генеральный консул СССР в Хиджазе (1924–1928) и первый полномочный представитель Советского Союза в Королевстве Саудовская Аравия (1936–1937).

В воспоминаниях «Счастливая Аравия глазами советского полпреда» К. Хакимов рассказал о лучших сортах йеменского кофе («*мтари*» и «*хайми*»), получивших свои названия от имен племен, обитавших в местах их произрастания. Кофе вывозили в Европу, пишет он, через порт Моха, что на побережье Красного моря. Потому-то в Европе йеменский кофе и продавался под маркой «*мокка*». Ежегодный сбор кофе в Йемене во время его службы там, уточняет К. Хакимов, составлял 6 тысяч тонн.

В горах, помимо кофе, выращивали кат, «наркотическое растение величиной с куст сирени». Лепестки ката, содержащие алкалоиды, замечает К. Хакимов, «действуют на организм человека, как кокаин или морфий». Кат и табак на рынках Йемена – товары востребованные. Для коренных йеменцев они – «чуть ли не предмет первой необходимости». Женщины, что интересно, «нисколько не отстают в этом отношении от мужчин». Даже 5-6-летние девочки жуют кат, курят и кладут под язык какой-то нюхательный табак. Во время путешествия по стране с кинодокументалистом Владимиром Адольфовичем Шнейдеровым и оператором Ильей Моисеевичем Толчаном, свидетельствует К. Хакимов, он «наблюдали это повсеместно». Особенно запомнились сценки торговли катом на рынке в местечке Сук-эль-Хамис, что неподалеку от Сана'а'. Названо оно так было потому, объясняет К. Хакимов, что каждый четверг там проходили ярмарки («*йвм-ал-хамис*»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.